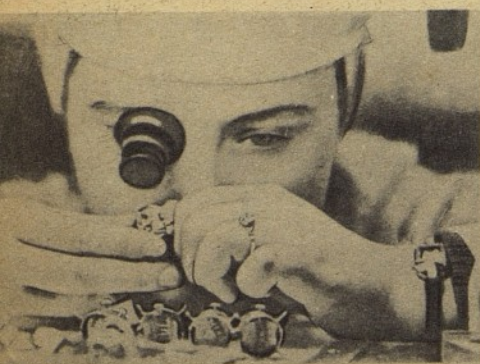

Исконка

мамы
разные нужны,
мамы
всякие важны
✿

газета
«Ленинская
искра» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

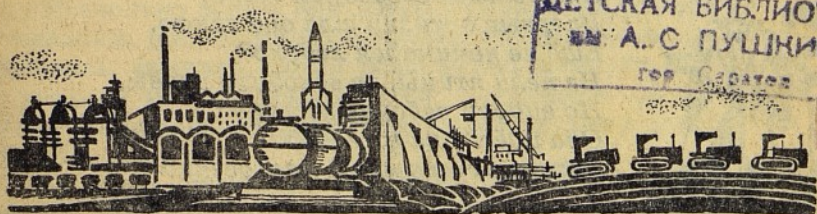
МАРТ

1969

год издания XIII

В. ВЕРХОВСКИЙ

ЭШЕЛОН № 4001

ЛЕНИН. Моё поколение не видело Ленина. Но каждый раз, встречаясь с настоящими людьми, мы ловили себя на мысли, что лучшими своими поступками, отдельными чёрточками характера они похожи на Ленина. Всё больше таких людей на земле, всё зримей и зримей становится образ Ленина.

Ленин. Нам хочется знать о нём буквально всё, даже мельчайшие подробности биографии.

Сегодня речь пойдёт о весне восемнадцатого года, о переезде Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным из Петрограда в Москву. Спустя полвека по этому же пути в специальном поезде проехала группа ленинградских журналистов. Я был одним из них.

Вчитываясь в архивные документы и воспоминания очевидцев, как по железнодорожным шпалам, уходил я в «боевой восемнадцатый год». Из окна вагона поезда я видел то, что видел Ленин, и то, о чём он мечтал. На заводах, фабриках, в колхозах и воинских частях встречался с людьми, о которых думал Владимир Ильич... Ведь думал он о каждом из нас.

Мне повезло: в некоторых местах, связанных с маршрутом ленинского Совнаркома, я бывал и раньше.

Вот почему я искренне убежден, что командировка началась раньше, чем наступил день отъезда.

Весна — и зайчик солнечный в окне...

Весна — и ветер трепетен и ласков...

Весна, весна!

*Послушай о весне,
О самой первой, той, послеоктябрьской.
Она сквозь дни бессонных баррикад
Вступала в город, полная отваги.
От имени рабочих и солдат
Её в тот год приветствовали флаги
Над Смольным, Петропавловкою,
над*

*Невздами, заботами, бедою.
Она была — свободная весна.
Впервые в жизни шла она такою.
Ещё не начинался ледоход,
Не пели птицы, не всходили травы,
Но видели рабочие заставы:
Она идёт! Она уже идёт!*

*Вставал тревожный мартовский
рассвет —*

*Туманная, багряная полоска.
И сообщения утренних газет
Читались вслух на людных
перекрёстках...*

До сих пор старые, пожелтевшие газеты дышат в лицо тревожным ветром революции:

«В связи с переездом в Москву правительственных учреждений тёмные контрреволюционные силы Петрограда засуетились. Но не подлежит сомнению, что советская власть достаточно сильна, чтобы защитить русскую революцию от ударов в спину. Петроградский пролетариат в корне подорвёт всякое покушение богатых на его власть. Невский проспект должен научиться умерять свой пыл. Товарищи рабочие и солдаты! Будьте настороже...»

«В 5-й Петроградской гимназии учителя единогласно заявляют, что они готовы с большим желанием заниматься при немцах, чем при большевиках».

«Нет топлива. В Петрограде остановились трамваи...»

В тот день газетные строчки рассказывали и о происшествии на Боровой.

ГОРОД спал чутко и насторожённо. Свернув с Николаевской на Боровую, патруль шёл по самой середине улицы. Бледное утро туманилось на штыках винтовок. Красногвардейцев было двое. Один из них, в длинной шинели, сутулый и бородатый, явно годился своему товарищу в отцы. Он шагал чуть впереди, дымил самокруткой и внимательно слушал молодого. Иногда, если с чем-то не соглашался, останавливаясь, обрывал говорившего и произносил две или три фразы. Молодой солдат, не вступая в спор, виновато умолкал, но через минуту продолжал снова. И лишь однажды озадаченно спросил:

— Вот ты всё про Ленина рассказываешь, а ты видел Ленина?

— Видеть не видел, но читал. Это, считай, одно и то же.

— А я — неграмотный, — вздыхая, сказал молодой и добавил, скорее для того, чтобы утешить самого себя: — Не сомневайся, будет время — выучусь.

Несколько минут они двигались молча. Поравнявшись с высоким, роскошным особняком, оба одновременно остановились, замерли. Затем решительно шагнули в подъезд и увидели на ступеньках двух мальчишек. Мальчишки сидели, прижавшись друг к другу, и плакали с закрытыми глазами.

— У-у, — протяжно выдохнул бородатый красногвардеец и, проворно взбежав вверх по ступенькам, ударил прикладом в массивную дверь квартиры.

За дверью долго стучали запорами, но не открывали. И тогда на неё обрушился новый, ещё более сильный удар. После этого дверь услужливо распахнулась и на пороге появился испуганный хозяин. Он держал в руках зажжённую свечу и растерянно повторял:

— Простите, но я ни в чём не виноват.

— Это чьи дети?

— Не могу знать, — последовал вкрадчивый ответ, — если б только знал...

— Неси одеяло!

— Как, моё собственное одеяло?!

— Два одеяла и горячего чая, — крикнул второй красногвардеец.

...Через час они вышли из подъезда, неся на руках закутанных в одеяла малышей. На улицах было уже светло. Одинокое прохожие, видя вооружённых людей, несущих какие-то свёртки, удивлённо смотрели вслед. Длинный сухой старик хищно поблескивал золотой оправой пенсне, показывая в их спины тростью, шамкал беззубым ртом:

— Грабители! Ишь нагнали. Ни стыда, ни совести нет...

Но люди с винтовками за спиной, словно ничего не слыша и не замечая, продолжали свой путь.

Когда они пришли в штаб отряда, командир, пристроившись у раскалённой «буржуйки», смазывал маузер. Выслушав патрульных, озабоченно сказал:

— Понятно. Поближе к печке укладывайте. Пусть греются.

Потом несколько раз прошёлся взад-вперёд по комнате и, сев за стол, стал писать рапорт по команде.

— Глянь-ко, — шёпотом произнёс молодой красногвардеец, грея у огня руки, — кажись, перезимовали.

На столе командира в большой жестяной кружке стояли пушистые веточки вербы.

*Как сердце одолеть беду смогло
И доказать врагам, что мы не слабы?
...Холодный март. Десятое число.
В окне вождя бессонный ответ лампы.*

СКВОЗЬ прозелень оконного стекла смутно проступали вечерние сумерки. В открытую форточку в комнату долетали гудки заводов, робкий перестук капли. Сборы в дорогу уже были закончены. Ещё утром с Надеждой Константиновной отправили на Цветочную багаж: книги и самые необходимые вещи. Последний день пребывания в Смольном казался утомительным и бесконечным. Наверное, потому, что хлопоты в связи с переездом нарушили обычный ритм жизни. Но в течение этого длинного дня он ощутил страстное желание написать о России будущего, о России сильной и счастливой. Внутренняя необходимость сказать людям именно об этом обостряла нервное напряжение, прибавляла силы, готовила к важной работе.

В начале десятого в комнату заглянул управляющий делами Совета Народных Комиссаров Бонч-Бруевич:

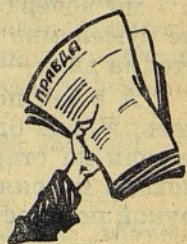
— Владимир Ильич, пора!

Через минуту Ленин, Надежда Константиновна, Мария Ильинична и Бонч-Бруевич садились в автомобиль.

На площади перед Смольным тускло мерцал одинокий фонарь, окружённый со всех сторон чёрными полчищами мрака. Эта наглая, неоглядная темень неприятно кольнула Ленина в сердце.

Шофёр включил освещение — и фары, как два штыка, отшатнули ночь, освобождая дорогу. Машина тронулась. Никто ни о чём не говорил, хотя все думали об одном и том же: как-то будет в Москве? А Ленин — он ещё думал и о том, что уже в поезде напишет статью, которую назовёт «Главная задача наших дней».

*В дыму пожаров, в отсветах багровых,
Из бездны униженья и нужды
Вело Россию ленинское слово
К весне свободы, братства и мечты.
В кольце врагов не пала на колени,
Сжав зубы, всё она превозмогла,
И убедилась:
Правда — это Ленин,
И стали правдой все её дела.*

В ОДНОМ из старых документов «Управления делами крестьянского и рабочего правительства республики России» под полустёршимся грифом, «секретно» напечатано:

«10 марта с. г. Вы должны прибыть по адресу: станция «Цветочная площадка». Эта станция находится за Московскими воротами. Пройдя ворота, надо свернуть налево по Заставской улице и, дойдя до забора, охраняющего полотно железной дороги, у полотна свернуть направо по дороге, и тут вблизи будет железнодорожная платформа, называемая «Цветочная площадка».

Полностью переписав этот документ, я решил самостоятельно найти «Цветочную». Добравшись на метро до Московских ворот, свернул, как указано, «налево на Заставскую» и... не нашёл никакого забора. Кругом возвышались высокие здания, весело поблёскивая окнами квартир, витринами магазинов.

Но в секретном документе не могло быть опечатки. Он был по-военному пунктуально точен:

«Здесь стоит поезд, в котором поедет Совет Народных Комиссаров. Поезд охраняется караулом из Петропавловской крепости. Этот караул должен быть заменён караулом латышских стрелков, которые по особому приказу в числе 30 человек должны будут выступать из Смольного с двумя пулемётами. 70 латышей придут на станцию

к 7-ми вечера». Документ указывал нужный мне адрес и не сумел мне помочь только по одной причине: под ним стояла дата — 9 марта 1918 года.

А с тех пор Московская застава неузнаваемо изменилась. И ещё одна интересная деталь удивила меня: написанная на старом документе поговорка «Петроград — голова, а Россия — сердце». Она была написана карандашом, рукой неизвестного человека.

МАЛЕНЬКАЯ станция «Цветочная площадка». Внимательно вглядываюсь в старые здания, пытаюсь найти немых свидетелей тех далёких событий. Журналистский экспресс ждал пассажиров на том же самом месте, откуда начинался переезд ленинского Совнаркома. Новенький электровоз, дрожа от грохота работающих двигателей, словно набирался духу. Дорога предстояла сразу в два конца — в прошлое и настоящее.

Первая остановка — Колпино. Знаменитый Ижорский завод. И первая встреча — с ветеранами завода, старыми потомственными рабочими. Все, как один, белоголовые, они сидели, стесняясь своей славы, и неуютно чувствовали себя среди вспышек репортёрских блицев. Их жёсткие, усталые руки покоились на столе и как бы говорили: «Мы работали всю жизнь. Мы сделали всё, что могли. Мы выполнили свой долг». Запомнилось — никто из них не держал руки под столом. Видимо, они уважали свои руки и гордились ими.

Броневи́к «Враг капитала», с которого выступал у Финляндского вокзала Ленин, — их продукция.

— Молодцы, ижорцы! Пригодятся ваши броневи́чки! — говорил Владимир Ильич, узнав о прибытии колонны бронемашин ижорских красногвардейцев для участия в Октябрьском штурме.

Есть что вспомнить ижорцам.

Я ходил по цехам и строительным площадкам «завода заводов» и думал о честных руках этих людей. Не только

у нас, но и в заморских краях разносятся хорошие вести о металлургах Ижоры.

Мощный великанский пресс сжимал в своих объятиях раскалённую стальную болванку. Голубыми кометами летели искры металла. Казалось, сталь дышала, принимая постепенно заданную форму. А там, высоко над головой, порталные краны деловито проносили всё новые и новые многотонные поковки.

ВЕЧЕРОМ в одной из гвардейских частей я познакомился с молодым воином — Леонидом Строунингом. До службы в армии Леонид учился в школе, трудился на производстве. Комсомолец. Словом, биография такая же, как и у многих его ровесников. Я полюбозыгрывал: где он работал.

— На атомной электростанции, — ответил Леонид, — вместе с мамой.

— А кто твоя мама?..

— Знаете, есть такая фотография: Владимир Ильич, Надежда Константиновна и двое ребят сидят на садовой скамейке?

— Знаю, знаю, — ответил я. — Горки. Двадцать второй год. Мальчик — племянник Ленина — Виктор. А девочка — дочка рабочего Вера.

— Правильно, — медленно произнёс солдат, — Вера. Вера Ивановна — моя мама.

Первый раз мама встретила Ленина в 1921 году. Тогда ей было семь лет. Она жила в том же доме, где и Анна Ильинична Ульянова — старшая сестра Владимира Ильича.

Однажды Анна Ильинична заболела, и Владимир Ильич приехал её навестить. Мама в то время гуляла во дворе. Вышел Владимир Ильич из машины. Подошёл к ней и спросил:

— Девочка, ты чья?

— Мамина.

— А кто твоя мама?

— Дворник.

— А как тебя зовут?
— Вера. А как вас звать?
— Ленин.

Обрадованная, побежала домой, сообщать новость.

А вскоре Анна Ильинична и Владимир Ильич пригласили её на дачу в Горки.

И всё лето жила мама у Ленина.

...КАКИЕ удивительные встречи! И только за один день! А поезд двинулся дальше. И снова наполнились стальным гулом железнодорожные мосты, снова постукивали стыки рельсов: снова всё быстрее и быстрее крутились колёса по тому самому пути, по которому ехал Ленин.

В его купе было тихо. Товарищи знали: Ильич работает, и старались ему не мешать.

Ильич сидел у окна, упрямо склонив голову, наедине со своими мыслями, задумчивый и сосредоточенный. Первые слова, которые уверенно вывела рука на листке, помнил с детства:

*Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!*

Конечно, именно эти некрасовские слова должны стать эпиграфом статьи. В ней он обязательно постарается доказать, что ни временные военные неудачи, ни страдания и мучения, выпавшие на долю народа, не остановят Россию на пути к счастью.

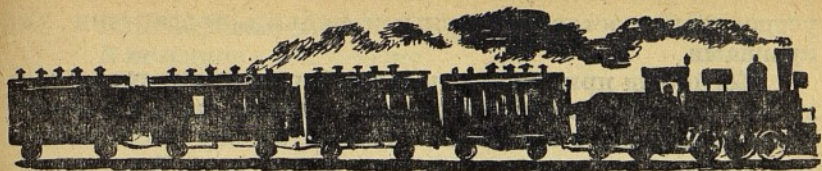
Охваченный вдохновением, Ленин не замечал вагонной тряски, не слышал монотонного стука колёс, гудков паровоза.

За окном бежали занесённые снегом поля, мелькали перелески, узкие просёлочные дороги. Словно замёрзшие воробьи, жались друг к другу на пригорках крытые соломой избы, ветхие, покосившиеся.

Ленин писал и писал:

«Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде... У нас есть материал и в природных богатствах и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству революция, — чтобы создать действительно могучую и обильную Русь...

Русь станет таковой... если, стиснув зубы, соберёт все

свои силы, если напряжёт каждый нерв, натянет каждый мускул...»

Строки рождались легко и свободно, как волны, они накатывались из глубины сердца и ровно ложились на бумагу.

Из-за двери донёсся чей-то приглушённый шёпот:

— Подъезжаем к Чудову!

Ленин поднял голову, и весеннее утро увидело его лицо, хорошо знакомое каждому из нас по фотографиям и портретам.

МЕДЛЕННЫЙ утренний снег падал на станционные пути, на длинные пассажирские перроны, на здание Чудовского вокзала. На заснеженной площади — автобус.

— Без автобуса журналистам сегодня не обойтись, — говорил нам секретарь Новгородского обкома партии Иван Иванович Сергунин. — Исторических мест в наших краях много и все они достойны стихов и песен. Правда, свидетелей переезда Ленина теперь, пожалуй, не отыскать. Но зато вся жизнь народа — живой свидетель правоты великого дела Владимира Ильича.

Мы знали, что в Великую Отечественную войну Сергунин был комиссаром партизанского соединения, воевал в этих местах. И, наверное, поэтому, слушая его рассказ о трудовых успехах новгородцев, мы невольно думали о мужестве тех, кто живёт на мирной новгородской земле. Они не только спасли её в борьбе с врагами, но и сделали вновь счастливой.

Мужество! Оно не бывает военным или трудовым. Это понятие неделимо и всегда вызывает чувство восхищения.

— Советую, — сказал на прощанье Иван Иванович, — обязательно побывать в совхозе «Трегубово», а точнее — в Спасской Полисти, о которой читали у Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву». — И, заметив наше недоумение, задумчиво добавил: — В той самой Спасской Полисти, знаменитой некогда своей беспросветной нуждой и горем.

...Спасская Полисть сегодня — это красивый, благо-

устроенный посёлок с ровными рядами телеантенн над крышами.

Когда мы приехали в посёлок и познакомились с лучшими людьми совхоза, всё, что мы узнали, было продолжением разговора о мужестве. В первые годы после войны, вспоминали трактористы, пахать наши поля было рискованно. Как-никак бывший район сплошного заминирования. Всякое случалось во время работы. И минёров здесь немало погибло, лет пятнадцать назад это было.

Верно: пятнадцать лет назад. Крепко помню я те тревожные дни. Молодым солдатом ходил я с миноискателем по засеянным смертью новгородским полям. И рад, что до сих пор не забыли люди моих друзей, о которых хмурым августовским вечером написал я в блокноте стихи.

*Не под гром суровой канонады,
Не в атаки напряжённый час
Погибали славные ребята,
Ошибаясь в жизни только раз.
Старой мины усики паучьи,
Где до срока смерть заключена,
Надолбы да ржавчина колючек —
Вот она — разбитая война.
Вот она — встающая в тумане
У заморских дальних берегов!
Вот она — и мы клялись в молчанье
Не оставить от неё следов.
По приказу снова на рассвете
Вновь мы встанем по местам своим.
...Тронул знамя осторожный ветер,
Поднимая головы живым.*

БЕРЕЗКИ и ёлочки в снегу по колено. Ветками машут: до свиданья, мол! Никто не говорит: «Прощай!» И чудится: откуда-то из-за еловых веток или из-за горизонта улыбается земля, бескрайняя, необозримая...

Пять дней ехал я из Ленинграда в Москву и всюду — в Колпине, в Чудове, в Бологом, Калинин, Клину — встречи особенные, незабываемые. Впечатлений было столько, что я словно видел другой эшелон, в котором — Ленин. Эшелон летит через горы, через судьбы, через Россию.

Вот он! Невидимый, стремительный, с пулемётами на тендере паровоза, с латышскими стрелками на крышах вагонов. Запомните номер этого эшелона — 4001-й.

Резкий весенний ветер ударяет по лицам, но стрелки не замечают ветра. Мне кажется, они поют песню. Я слышу слова:

*Наш паровоз, вперёд лети, —
В коммуне — остановка.
Другого нет у нас пути,
В руках у нас винтовка.*

«Как же так? — размышляю в недоумении, слушая песню. — Она ведь родилась после восемнадцатого года!.. Разве можно петь песни, которые ещё не существуют? Но потом догадываюсь: бессмертные люди имеют право петь любые песни, которые им нравятся. Тем более что эта песня и о них...»

ВСЁ громче звучат слова... Но воспалённые от бессонницы глаза так же пронзительны и внимательны. Приклады винтовок впаяны в ладони. Глаза и винтовки смотрят вперёд. Глаза и винтовки...

Рис. П. Вискова

*

Е. РУСАКОВ

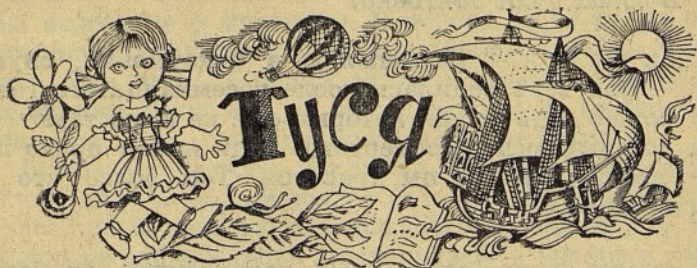
Рябина

*Стали утренники чаще
Сыпать горсти серебра,
Но рябина в тёмной чаще
Щедрость лета сберегла.
Наши щёки от мороза
Начинают ярче цвести.
В человеке, видно, тоже
От рябины что-то есть.*

Рис. В. Адаева

МИШКА

Дядя Вова привёз с охоты медвежонка. Привёз прямо в дом к своему брату, дяде-профессору. Не везти же медведя в город, в коммунальную квартиру! Это каждому ясно.

Может быть, дядя-профессор был не очень доволен этим поступком своего брата, но он, как воспитанный человек, прятал недовольство под маской сдержанной вежливости.

Зато Туся был куда как доволен!

Медвежонку четыре месяца. Он уже побурел, шерсть густеет с каждым днём. А на шее — красивый белый воротник.

Дядя Вова поставил в саду большую клетку, вкопал в землю кривой ствол старой липы с толстыми обрубленными сучьями.

Медвежонок с удовольствием лазал по стволу или сидел, облизывая лапы, довольное урча и причмокивая.

Иногда дядя Вова позволял брать медвежонка в дом. Медвежонок спал в бабушкиной комнате, в корзине для грязного белья, а когда просыпался, Туся кормил его молоком из бутылки. Медвежонок со свистом всасывал молоко через детскую соску.

Потом Туся прятался за комод, под кровать, под стол и кричал оттуда: «Мишка! Мишка!»

Мишка искал его и, когда находил, с радостным визгом бросался на Тусю и валил его

Окончание. Начало в «Искорке» № 1 за 1969 г.

на пол. Случалось, при этом он царапал Тусю, и Туся мечтал о том, чтобы царапины как можно дольше не заживали.

...Туся встаёт на четвереньки и идёт на Мишку, издавая устрещающие звуки. Мишка пристально следит за Тусей, навострив уши. Потом он вскакивает и осторожно обегает вокруг Туси, не сводя с него подозрительного взгляда...

Так в играх и забавах прекрасно проходило время, пока не нарушилось равновесие.

Для того чтобы равновесие нарушилось, достаточно стечения нескольких случайных обстоятельств.

Обстоятельство первое: дверцу в клетке забыли закрыть.

Обстоятельство второе: забыли калитку закрыть.

Обстоятельство третье: какая-то курица забрела в сад.

Дальше всё происходило с молниеносной быстротой. Мишка бросился на курицу и придушил её.

Запах крови, вид растерзанного куриного тела, ощущение лёгкой победы произвели полный переворот в Мишкиной голове. Злой, с насторожёнными, словно воспалёнными глазами, он теперь только и ждал удобной минуты, чтобы вцепиться в кого-нибудь.

Дядя Вова запер его в сарае и посадил на цепь.

Хозяйке погибшей курицы заплатили, но она не успокоилась и написала заявление в милицию, где говорилось о том, что профессор Пряников

держит у себя в саду вместо собаки медведя...

Милиция дала два дня: чтоб и духу медвежьего не было!

...Туся заглядывает в узенькое окошко сарая и видит Мишку. Мишка лежит на своей подстилке, прикрыв глаза. Туся бросает ему рыбу, жёлуди, червей... Мишка всё съедает, но смотрит на Тусю исподлобья, не хочет его признавать. «Мишенька, Мишенька...» Мишка глухо ворчит и становится на задние лапы...

Рано утром, когда Туся ещё спал, Мишку увезли в зоопарк.

...В дядином саду у крыльца стоит под стрехой старая железная бочка. Во время дождей в неё гулко падает вода, и чем больше становится воды, тем глуше звук её падения.

Когда дождь кончается, ещё долго, свешиваясь с крыши, в бочку падают прозрачные капли. Туся следит за ними и ждёт, когда они упадут, и считает: раз, два, три...

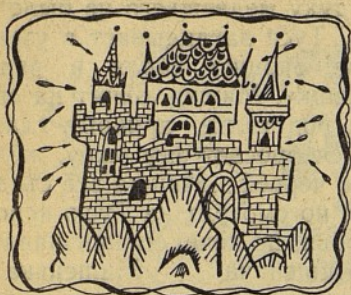
Он представляет эти капли маленькими живыми существами, такими прозрачными человечками, одинаковыми, точно китайцы на картинке в папиной книжке.

Туся уговаривает их не падать в бочку, а они всё падают, падают с пугающей неизбежностью, исчезают, растворяются в чёрной массе воды.

Смотреть в бочку страшно и заманчиво.

Мишка всё не идёт из головы. И Татьяна. А царапины заживают, и новая розовая кожа покрывается загаром.

ГОРОДОК «Н» НИЧЕМ НЕ ПРИМЕЧАТЕЛЕН

Когда речной трамвайчик огибает Кировские острова, глазам пассажиров открывается низкий берег, игрушечные машины, мчащиеся в обе стороны, и огромный кирпичный дом странной формы, одиноко стоящий между старых кривых деревьев.

Дом похож на старинный замок, вокруг которого забыли насыпать вал. Две башенки с причудливыми флюгерами узнаются издалека.

— Что это за дом? — обязательно спросит кто-нибудь из пассажиров.

И знатоки тотчас заспорят между собой.

— Это замок великого князя Михаила, — скажет один.

— Вы что! Это резиденция английского посла! — возразит другой.

— Ха-ха! Это дворец Екатерины! — воскликнет третий.

И они будут спорить, и приводить доказательства, и тыкать пальцами в проплывающий мимо берег, пока он не скроется за излучиной реки. Но и тогда они не успокоятся,

а будут спорить до самой пристани, и даже потом — в автобусе, в трамвае, судорожно хватаясь друг за друга и не решаясь расстаться.

— А башни-то, типичное средневековье!

— Э, куда вас занесло...

И сейчас, когда я еду на речном трамвайчике — а бывает это не часто, — я слышу те же разговоры.

Потому, что дом стоит на старом месте. И по-прежнему волнует воображение сходством со старинным замком.

И не перевелись спорщики в нашем городе.

Но я-то знаю теперь, что никакой это не замок, а доходный дом купца Ивашкина. А пришла ему в голову такая архитектурная блажь затем, что начитался он в детстве рыцарских романов.

...Дядя Вова шёл по длинному гулкому коридору, а за ним едва попевал Туся. Над их головами тускло, как Млечный Путь, мерцали заправленные в белые колпаки лампы. Сапоги стучали по каменному полу: тук-тук, тук-тук...

Одна за другой приоткрывались двери и выглядывали чьи-то лица. Лица смутно белели в просветах дверей, провозжали дядю Вову и Тусю невидимыми взглядами и бесшумно скрывались. Точно безмолвные рыбы в расщелинах скал, когда они пучат глаза на плывущего мимо аквалангиста...

Наконец дядя Вова распахнул какую-то дверь и сказал:

— Прощу!

Туся даже глаза зажмурил, столько солнца было в комнате.

— Вот, — сказал дядя Вова, — на кухню мы с тобой ходить не будем. Она далеко и потом — там слишком шумно и грязно. Обедаем в столовке. А здесь пьем чай. Не возражаешь?

Какой дурак станет против этого возражать?

Представьте себе комнату — квадратную, угловую, в первом этаже. Два высоких окна — одно на реку, другое на двор. То, что на двор, наполовину прикрыто ветвями старой ивы.

Дядя Вова распахнул окно.

— Я понимаю, — сказал он, — тебе неприятен этот мрачный коридор. Мне тоже. Есть идея! Давай входить и выходить через окно. Не возражаешь?

Здорово! Не то что у бабушки!

В комнате немного вещей: диван, за ним книжная полка. Не вставая с дивана, можно доставать с полки книги.

Письменный стол между окнами, кресло. Парусиновая койка. Для Туси. Кухонный стол. Вот и всё.

Что же произошло?

Дядя Вова бросил работу.

В этом не было ничего удивительного. К этому уже привыкли.

Но на этот раз дядя Вова бросил работу не для того, чтобы поступить на другое место, а совсем по иной причине.

Дядя Вова обменял комнату.

Вот это был сюрприз! Человек родился в доме у рынка, всю жизнь там прожил и вдруг — переехал...

Дядя Вова решил начать новую жизнь.

Он сказал Тусе:

— Встаём в восемь. Завтракаем. Потом я работаю. Ты должен меня слушаться. Я взял тебя сюда не для того, чтоб ты мне мешал. Я взял тебя, чтобы ты отдыхал от всех родственников, потому что скоро тебе в школу... Итак, я работаю. Ты гуляешь. Обедаем. Читаем книги, разговариваем. Потом — хозяйственные дела, ужин и — спать! Ясно?

Все планы прекрасны до тех пор, пока не начнёшь их осуществлять. Только возьмёшься за дело — все планы летят к чертям!

Когда на следующее утро дядя Вова сел за стол, Туся спросил:

— Что ты будешь делать?

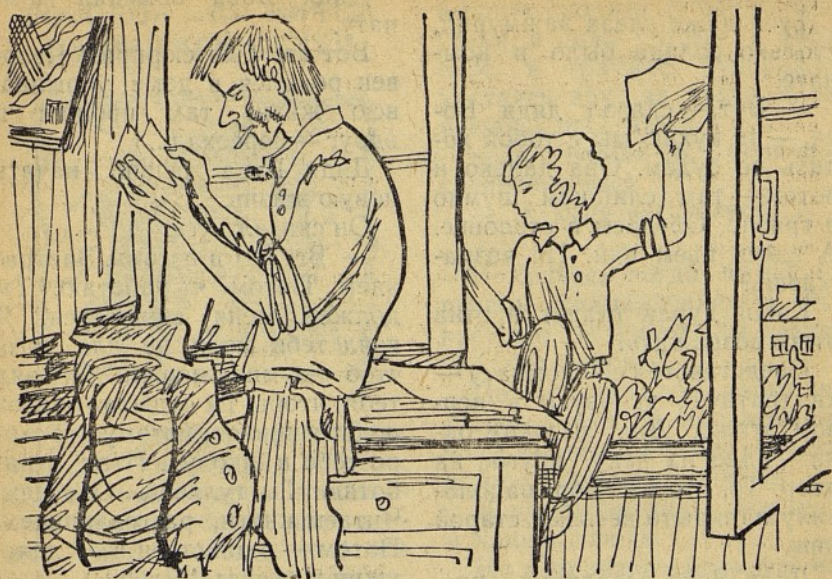
— Я буду писать роман, — ответил дядя Вова. — Это замечательно — писать роман! Главное — движение! Я вижу всё его движение... Я буду писать его по главам. Каждый день — главу. Роман — это великолепно! Я чувствую, что созрел для романа! И знаешь, что самое главное?

— Движение, — сказал Туся.

— Вера! Вера — вот что главное! — сказал дядя Вова.

Туся посмотрел на него с неизъяснимым страхом.

Люди, которые прятались за

разноцветными корешками книг и назывались писателями, до сих пор не вызвали к себе никакого интереса. Какая разница, как его зовут: Дюма или Фенимор Купер. Он сам заслонил себя людьми, которых вызвал к жизни своей фантазией и теперь — хочешь не хочешь — сидит в сторонке, в скромном сюртуке или домашнем халате и смотрит усталыми добрыми глазами на свой шумный и призрачный мир.

Дядя Вова — это совсем другое. Вы когда-нибудь находились в одной комнате с человеком, который решил писать роман?

Ну вот...

Раньше Тусе было легко с дядей Вовой. Теперь трудно.

Туся вылез через окно и пошёл на реку пускать бумажные кораблики. Когда весь флот был отправлен в плавание и десять белых точек неслись по течению реки навстречу своей гибели, Туся вернулся домой за бумагой.

Дяди Вовы в комнате не было. На столе лежала стопка белых листов. На верхнем написано размашистым почерком:

«Городок «Н» ничем не примечателен».

Туся взял из пачки несколько чистых листов и — на улицу.

Скоро бумага кончилась, потому что местные мальчишки тоже хотели пускать кораблики, а своей бумаги у них не было.

Туся побежал за новой порцией.

Дядя Вова сидел за столом и кусал карандаш. Туся перегнулся через подоконник, лёг на него животом, чтобы взять бумагу, которую ему протягивал дядя Вова, и краем глаза взглянул на тот лист.

Ничего не прибавилось. Только одно слово было густо заштриховано и сверху написано другое.

Вечером, когда дядя Вова пошёл набрать воды в чайник, Туся увидел, что это за слово.

«Городок «Н» совсем не примечателен».

Утром дядя Вова опять сел за стол. А Туся строил под окном крепость из песка, глины и кирпичей.

Через полчаса дядя Вова выглянул в окно.

— Не забудь сторожевую башню, — сказал он, — и запасные ворота для конницы... Хорошо бы ещё сделать подъёмный мост, а?.. Вон дощечка, видишь... Жалко, нельзя налить воды в ров, уйдёт в песок.

Дядя Вова скрылся, но через минуту появился снова.

— Э, вот прекрасный флажок!..

Он протянул Тусе кусочек ярко-жёлтой материи.

— А без пушек здесь не обойтись, — сказал он спустя некоторое время, — полезай-ка сюда, придумаем что-нибудь вместе...

До вечера они мастерили пушки из старых катушек. А поскольку пушек для обороны

крепости надо много — обошли всю квартиру.

Одна катушка была совершенно замечательная. Катушка-великан! «Катушка — царь-пушка!» — сказал дядя Вова.

Два следующих дня ушли на строительство сторожевой башни, сооружение подземного хода и другие сапёрные работы.

Один день — на переговоры с местными мальчишками. Чтобы не ломали, не портили, а, наоборот, помогали. В результате переговоров мальчишки подрались копать канал от крепости к реке.

Ещё один день ушёл на создание фугаса, которым враги должны проделать пролом в стене, прежде чем их конница хлынет в город и начнутся бои на улицах.

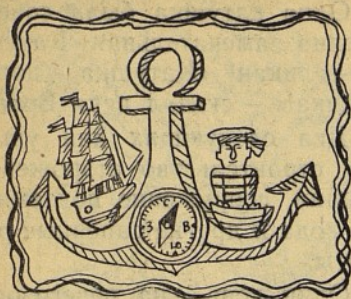
Ещё полтора — чтобы соорудить запасную стену, которая делила город на две части и возникала неожиданной преградой на пути наступающих. Вот тут-то и провалятся они в секретные ямы! Вместе с лошадьми провалятся!..

Вечером, перед наступлением, Туся сел за стол, чтобы начертить план подземных коммуникаций и написать письмо в соседний город — попросить подмоги.

Туся бросил рассеянный взгляд на дядины бумаги. На столе по-прежнему лежал тот лист, но выглядел он уже так:

«Городок «Н» внешне совсем не примечателен».

ПОДАРОК

Позвал дядя Вова Тусю в комнату. Даёт листок бумаги. А там написано: «Ищи в шапке».

Туся вертится — шапку ищет, а шапки-то в комнате нет. Туся — в коридор.

Дядя Вова кричит:

— Только в комнате искать! Только в комнате!

Вернулся Туся. Глядь, у дяди Вовы на голове тюбетейка!

Так и есть — там записка: «Ищи в воздухе».

Вот это да...

Задрал Туся голову, ходит, как пьяный, на стулья натывается.

Дядя Вова говорит:

— Между прочим, воздух не только под потолком...

Записка-то болталась на ниточке под перекладной стула! Туся прочёл: «Ищи между 300 и 301 страницами».

Ух!..

Во втором томе Брема, на той странице, где про тюленей, Туся нашёл листок. «Ищи в самом опасном месте», — прочёл он.

Самое опасное место... Окно?... Выключатель?... А-а! Из

ружейного ствола выпала свёрнутая в трубочку бумажка: «Ищи под ногами».

«Под ногами» — «Под диваном».

«Под диваном» — «На шкафу».

«На шкафу» — «Под подушкой».

«Под...» — «Над...»

«Над...» — «За...»

«За...» — «В...»

Уморился Туся.

И вдруг нашёл компас. Замечательный компас! Весь не больше пяточка. Оправа — бронзовый якорь. Над якорем — трёхмачтовый парусник, совсем маленький. Рядом — шлюпка, ещё меньше. В шлюпке — матросик. Представляете, какой?

— Это... мне? — спрашивает Туся.

— Тебе, — говорит дядя Вова, — ты идёшь в первый класс. Это очень хорошо. Чтоб ты не заблудился по дороге в школу и не попал вместо школы в зоопарк, дарю тебе этот компас. Береги его!

Дядя Вова объяснил, как искать север, юг и другие стороны горизонта.

Компас — это красота! Разве без компаса Туся узнал бы, что обыкновенный диван с вмятиной посередине, находится на западе, окно — на востоке, а дверь — на севере!

— Итак, ты идёшь в школу... — сказал дядя Вова. — Неужели я когда-то учился в школе? Страшно подумать, сколько я перезабыл! Чёртову уйму! Меня учили — а я тут

же всё начисто забывал. Арифметику, историю, географию...

— Зачем же тогда учиться? — спросил Туся.

— Забывал, забывал, забывал, — продолжал дядя Вова, — только и делал, что забывал. А когда всё забыл окончательно, стал нормальным человеком, которого ты видишь перед собой. Вот так. И тебе предстоит всё это...

— Зачем же тогда учиться? — повторил Туся.

. — К сожалению, это необходимо. Ты ешь, чтобы существовать. Яблоки, мясо, картошку... И всё это превращается в тебя, в твои мышцы, кости, мозг... Так же и знания. Ты узнаёшь всякую всячину — а она превращается в тебя, в твой характер, в твои мысли, в твои размышления о том, о чём... Короче говоря, надо учиться у других, чтобы стать самим собой!.. Самим собой!

Во время этого разговора вошла мама. Она сказала:

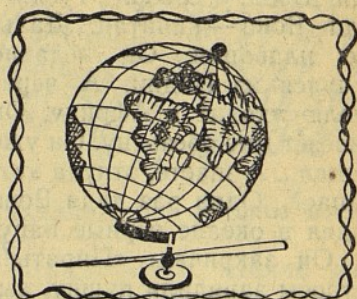
— Ты забубнишь ему голову. А ребёнку завтра в школу. Посмотри на него, он всё равно ничего не понял...

— Это не беда, — сказал дядя Вова, — сейчас не понял — потом поймёт. Счастливо тебе забывать!

Туся почувствовал какую-то непонятную тоску и впервые так ясно, отчётливо понял, что вот этот жёлтый портфель — его портфель, а эти книжки — его учебники, и завтра ровно в девять он перестанет быть просто Тусей Пряниковым, а превратится в какого-то дру-

гого человека, который будет сидеть за партой и учить, учить, учить, а потом — забывать, забывать, забывать...

ОТПУСТИТЕ МЕНЯ НА СВОБОДУ

Я опускаю многие подробности. Как Туся первый раз пошёл в школу, как опоздал на урок, как его проверяли в особом кабинете — умеет ли он писать, считать, читать. Как его, наконец, зачислили в 1-второй класс, где все умели читать, но не умели считать, а писали с ошибками. Если бы он не умел писать, то попал бы в 1-третий, а если бы умел считать и писать без ошибок, его направили бы в 1-первый.

Всё это я опускаю, потому что твёрдо решил рассказать вам только о компасе.

На первой перемене Туся познакомился с двумя мальчиками. Одного звали Алик, другого — Сергей.

На второй перемене, когда все жевали свои бутерброды и запивали из бутылочек — кто молоком, кто холодным чаем, а одна девочка даже киселем, — на этой, самой большой

перемене Туся показал Алику и Сергею свой компас.

Туся не выпускал компаса из рук, и Алик с Сергеем вытянули шеи, чтобы увидеть все подробности.

— Этот компас подарил мне дядя Вова, — сказал Туся. — Дядя Вова — капитан. Дальнего плавания. Он недавно вернулся из Индии. А через неделю уходит в Африку. Он привезёт мне обезьяну. Он уже обещал... А знаете, откуда этот компас?... Один раз дядя Вова увидел в океане чёрные паруса. Он закричал: «Пираты!» Матросы зарядили пушку, вытащили кинжалы... Дядя Вова закричал: «Полный вперёд!» И тут...

— Какие сейчас пираты, — сказал Сергей, — это раньше были пираты.

— Фашистские! — быстро сказал Туся. — Фашистские пираты, вот какие!.. И тут дядя Вова закричал: «Полный вперёд!» И погнался за пиратами. И тут...

— У пиратов знаешь какие быстрые корабли, — перебил Алик, — их никто не догонит...

— У дяди Вовы самый быстрый! Наиболее быстрый! — закричал Туся сердито. — Дядя Вова догнал пиратов, взял на бордаж и — с пистолетами — на пиратский бриг! «А-аа! Сдавайтесь! Иначе смерть!» Самый главный пират — раз на дядю Вову с саблей! Дядя Вова — бах! бах! Пират нагнулся. Дядя Вова — бах! Пират выронил саблю... Дядя Вова его ранил, вот сюда...

Теперь Туся заметил, что вокруг как-то потемнело. Он поднял голову. Целая толпа окружала его. Некоторые даже на подоконник забрались. От этого и стало темно.

А один мальчишка растолкал всех плечом и пробился прямо к Тусе. Мальчишку звали Соловьёв. Этот Соловьёв впоследствии вот чем прославился: он пил чернила. Скажет: «Цёкни завтрака — чернила выпью». Ему говорят: «Слабó!» Он отвечает: «Слабó?» Сделает трубочку из бумаги и высосет через неё все чернила из чернильницы. И представьте — никогда при этом не болен!..

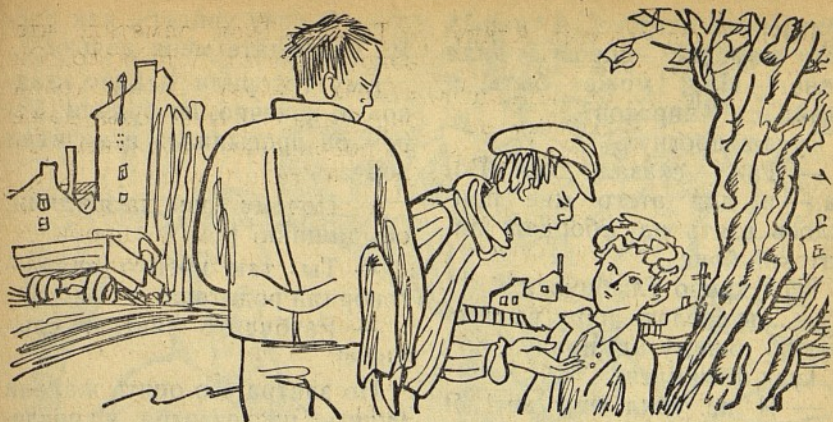
Ну, после, конечно, цёкнешь ему завтрак — отломишь кусок.

Так вот этот самый Соловьёв пробился прямо к Тусе и увидел компас. Тогда он шумно втянул носом воздух и заработал плечом в обратном направлении. Соловьёв выбрался из толпы и коварным мелким шагом побежал в уборную, где в это время теснились старшеклассники и курили свои окурки.

А Туся, проглотив слюну, продолжал:

— Ну, вот... Дядя Вова как закричит: «Руки вверх!» Пират упал. Дядя Вова наклонился над ним. «Послушайте, — прохрипел пират, — отпустите меня на свободу, я дам выкуп...» И он достал из кармана этот компас...

Стало ещё темней. Головы склонились над потной Тусиной ладонью. Все шумно ды-

шали. И тогда раздался звонок.

Туся стал героем дня. За ним ходили, просили показать компас, предлагали обменяться — Туся только головой качал.

Пришли из 1-первого, из 1-третьего пришли. А также с другого этажа...

Голова у Туси кружилась. В школе ему нравилось.

После уроков целая свита проводила Тусю до угла. До следующего угла он шёл вместе с Сергеем и Аликом. Потом они повернули направо, а он налево.

И вот, когда Туся повернул налево и остался один, он услышал позади топот.

Хотите — верьте, хотите — нет: Туся почувствовал, что его преследуют.

Не оборачиваясь, он сжал в руке компас и бросился бежать.

Он добежал до мостика, перебежал через мостик, побежал по набережной, добежал до сквера и понял, что силы

оставляют его, а топот настаивает.

Перед Тусей стояли двое больших мальчишек. Класа четвёртого, примерно. Они здорово запыхались и от этого были особенно злые.

— Эй, ты, давай компас! Живо! — сказал один.

— А то получишь! — добавил другой.

Туся шёл домой, опустив голову, и плакал. Беззвучно. Безнадёжно.

И надо же, чтоб именно дядя Вова, а не кто другой, открыл ему дверь.

— Здравствуй, — сказал дядя Вова, — я тебя жду...

Дядя Вова внимательно поглядел на Тусю, взял его за руку и повёл в комнату. Там он посадил Тусю на диван, сам сел напротив и сказал:

— У тебя отняли компас.

— Откуда ты знаешь! — закричал Туся.

— Я знаю тебя, — сказал дядя Вова.

Туся вздохнул.

— Ну, говори, на каком не-

обитаемом острове я нашёл этот компас? — спросил дядя Вова. — Или, может быть, я отнял его у пиратов?..

Туся вздрогнул.

— Так, — сказал дядя Вова, — и для этого мне пришлось взять на абордаж пиратский бриг...

Туся криво улыбнулся.

— ...и сделать пару выстрелов по ихнему адмиралу...

Туся поёжился.

— Я не убил его, нет! Я слишком великодушен, чтоб убивать! Я ранил его. Только ранил. Вот сюда...

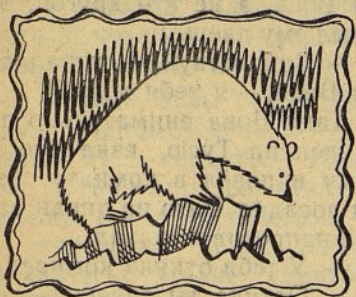
Туся опустил голову.

— И после этого ты хочешь спокойно ходить по земле? Я удивляюсь, как с тебя не сняли скальп! Такой компас! Это же музейная редкость!..

Он помолчал.

— Их выпускали сериями, понимаешь: якорь, русалка, памятник погибшим кораблям... Сувениры! Курортный город!.. Давай-ка обедать, Туся!

КОГДА ЧЕЛОВЕК РАСТЁТ

Когда Туся был ещё меньше, чем в описываемое время, он услышал где-то, что люди якобы по ночам растут, и стал просить своих родителей:

— Я хочу увидеть, как расту. Разбудите меня ночью.

Ему говорили «ладно, ладно» и, конечно, не будили. Утром он просыпался и начинал ворчать:

— Почему не разбудили, обманщики?

— Ты так крепко спал, — говорили родители.

— Разбудите завтра, слышите!

Но завтра его опять жалели будить, послезавтра и послепослезавтра — тоже, а сам он проснуться не умел, и в конце концов потерял всякую надежду увидеть, как растёт, а на родителей своих затаил обиду.

У дяди Вовы Туся тоже спрашивал: «Когда я расту? Правда, что ночью? Как это увидеть?..»

— Очень просто, — говорил дядя Вова, — я, например, вижу это своими глазами. Вот сейчас — стою и вижу, как ты растёшь.

Туся посмотрел на носки своих ботинок.

— Ты задаёшь мне вопрос, — сказал дядя Вова, — и я вижу, как у тебя мысли растут. А ты знаешь, почему голова выше живота?

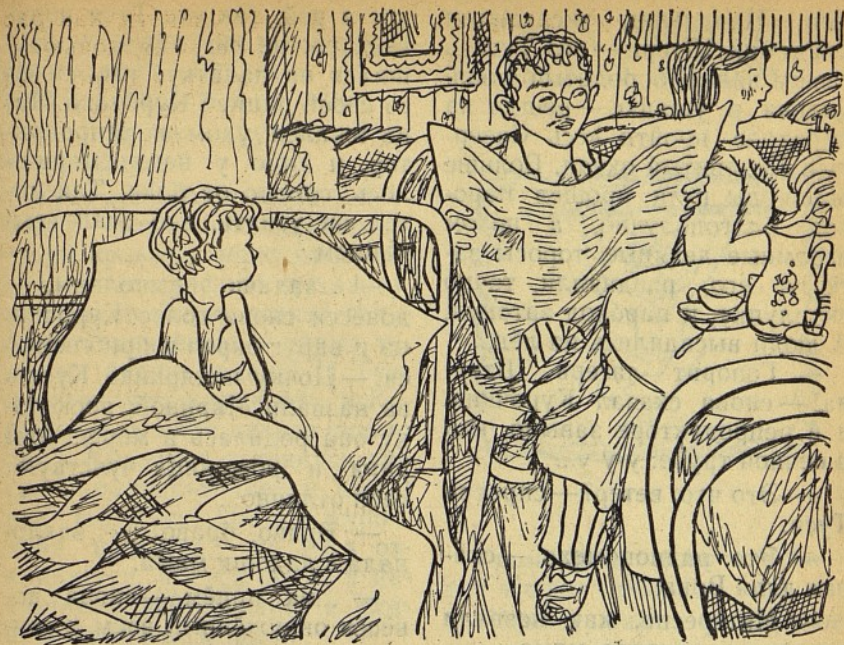
— Не знаю... — сказал Туся.

— Знаешь, только думать ленишься. Мысли у тебя ленивые, как стручки гороховые.

— А почему, — спросил Туся, — почему голова выше?

— Потому, что голова главней живота!

Туся прислушался к своей голове. Ничего не слышно. Он

прислушался к животу: вур-вур-вур... Живот хотел есть.

А нынешней зимой Тусю разбудили ночью. Хотя он об этом не просил. И даже был недоволен. Он спать хотел. Завтра в школу рано вставать — и вдруг будят. Он даже рассердился и стал хныкать. И глаза у него слиплись, никак не открыть. Ну, кто это за плечо трясёт?.. Дядя Вова?..

— Эй, племянник, просыпайся... Просыпайся, слышишь...

Туся открывает глаза совсем. Мама за столом сидит — шьёт. Папа курит, газету читает. На столе чайник дымит, варенье стоит. А из чёрного кружка репродуктора слы-

шен слабый треск, как будто далеко-далеко кто-то печку растапливает сухими лучинками.

Потом в репродукторе начинают попискивать мыши — много мышей! Потом: хлоп-хлоп-хлоп, будто в театре ладоши хлопают... и опять писк, и опять треск, а вот машина грузовая проехала: ддр-р... А вот голос, чуть картавый, глухой и очень далёкий: «Говорит лагерь Штерна! Говорит лагерь Штерна!..»

— Это Курочкин, — сказал папа, — его голос...

— Молодец Серёжа! — сказал дядя Вова. — Пробился всё-таки!

Курочкина весь мир знает. Это радист полярной экспеди-

ции. Начальник экспедиции академик Штерн — его Туся в газете видел, бородатый такой дядька в ушанке — решил на пароходе пройти весь Северный Ледовитый океан. Больше половины пути прошёл паром, благополучно, а потом огромные ледяные торосы затёрли его, раздавили, точно скорлупку, и пароход затонул. А люди высадились на лёд...

— Говорит лагерь Штерна! — снова сказал Курочкин, и в репродукторе завывало, как в печной трубе: у-у-у...

— Это что, ветер? — спросил Туся.

— Это радиопомехи, — сказал дядя Вова.

— Интересно, как называли девочку, — сказала мама.

Там, в ледяном царстве, где льдины громоздятся друг на друга и рушатся со страшным треском, где бродят непуганые белые медведи, у жены одного полярника родилась дочка. Полярник плыл с женой на свой полярный остров, чтоб остаться там на долгую зимовку, а оказался на льдине. Да ещё с маленькой дочкой!

И теперь не только Тусина мама — весь мир хотел знать, как называли дочку полярника.

— В лагере все здоровы, — прорвался сквозь вой и треск голос Курочкина, — температура сорок ниже нуля, только что закончился шахматный турнир... Первое место занял гидролог...

— Ах, какая досада, — сказал папа, потому что из репродуктора вновь доносились гро-

хот и вой, так что Туся подумал, уж не лёд ли это обрушился на палатку, где сидел со своей рацией Курочкин. Папа вжался ухом в репродуктор, и лицо у него сморщилось, словно от боли. Так хотел он узнать, кто стал чемпионом.

— ...задачи выполним, — донёсся снова голос Курочкина и вдруг окреп и приблизился: — Дочку полярника Кускова называли Мариной, поскольку она родилась в море... Марина и роженица чувствуют себя отлично...

— Браво, браво! — захлопала в ладоши мама.

— ...на приём, — снова донёсся окружённый воем и свистом голос Курочкина, — перехожу на приём...

— Так мало? — сказала мама. — Просто безобразие. Ничего не сообщил. Сколько весит, какой рост, на кого похожа...

— Курочкин экономит аккумуляторы, — сказал дядя Вова.

Туся лежит в своей кровати, руки за голову. Он лежит, откинув одеяло. Ему жарко. А Курочкин — в меховой малице, в сапогах меховых, в ушанке — там, у себя в палатке, где сорок градусов!..

И то, что голос Курочкина долетел сюда, в эту уютную комнату, где дымит на столе чай, где розовый абажур покачивается над столом и хрустит газета в папиных руках, — вот что удивительно!

В репродукторе щёлкнуло и неожиданно близкий голос диктора радостно произнёс:

— Дорогие друзья! Весь наш народ...

Туся закрывает глаза и проводит мысленную линию от своей кровати, через окно, через всю географическую карту, жёлтую, зелёную, синюю, голубую, коричневую, — прямо туда, на белую льдину! И Тусе чудится, что, кроме него и Курочкина, в мире никого-никого нет и Курочкин склонился над своей радиостанцией и вызывает его, Тусю. Одна у Курочкина надежда, что Туся откликнется, а Туся сидит в наушниках, всё слышит, а сказать ничего не может...

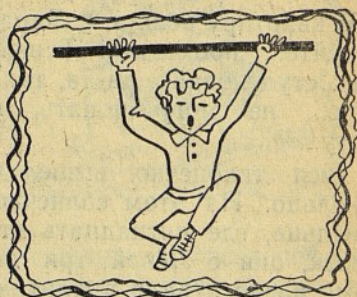
Туся держит в руках докторскую слуховую трубку и знает, что вот в неё-то и надо говорить, чтоб Курочкин услышал, а рот не открывается.

Туся встаёт, подходит к окну, открывает окно и видит, что дом его — точно обрыв над пропастью, а под обрывом во все стороны — чёрный-пречёрный океан темноты...

Туся судорожно хватается за подоконник. Подоконник наклоняется. Чёрное пространство надвигается на Тусю, он сейчас упадёт туда, и будет падать, падать, падать, — без конца!

В низу живота становится холодно и сладко, Туся вздрагивает, открывает глаза, видит маму, папу, дядю Вову, облегчённо вздыхает и опускается в новый сон, тёплый, тихий, где нет никаких сновидений.

ЛЁВА ТРОЙКИН УБЕЖАЛ ИЗ ДОМУ

Гром среди ясного неба — вот что это такое.

Лёвина мама непрерывно плачет и каждому, кто входит в квартиру — а дверь всё время открыта, — читает сквозь слёзы последнюю Лёвину записку.

«Дорогие мама и папа! Не сердитесь на меня. Я решил уйти из дому, чтобы жить самостоятельно. Я уже взрослый, не ищите меня. Целую крепко вас и Танюшку».

Танюшка — Лёвина сестра. Когда Туся вошёл, она тоже ревела. Лёвина мама схватилась за полотенце — слёзы Танюшке вытирать, — а сама всё говорит-говорит:

— Деточка, деточка, что-то у меня сегодня с головой... Почему вы не сядете, деточка? Садитесь... Вот последняя Лёвушкина картина... Не закончил... Стол кухонный красками расписал, зелёной краски не хватило, видите... Говорил: купи, мама, купи...

Туся ухватился за последнюю Лёвину записку и всё читал её, и крутил в руках, и переворачивал, и на свет смотрел...

В квартиру вошли. «...Здравствуйте... проходите. Танюшка... стул подай... да-да, такое горе... не могу понять, не могу...»

Туся тихонечко вышел на крыльцо. На этом солнечном крыльце, где пятнадцать ступенек, они с Лёвой три дня тому назад играли в фантики.

— Хочешь, я тебе свои фантики подарю? — сказал тогда Туся.

— Не надо мне твоих фантиков, мне и свои надоели, — вот что ответил тогда Лёва.

Ну и что? Не хотел же он этим сказать: «Мне и свои надоели, поэтому я из дому убегу...»

«А я не могу убежать из дому, — подумал Туся, — я не могу убежать потому, что у меня нет таких мускулов, как у Лёвы. И такой смелости. И потом, мне жалко своих родителей. Чтобы убежать, надо быть железным человеком. Я не железный...»

Где он спит? Где-то ведь он должен спать... Его поймают, обязательно, не может быть, чтоб его не поймали...

А ещё на днях они лежали на полу в Тусиной комнате, расстелив большую карту мира, и плыли в Испанию...

А ещё на днях... Туся сидел неподвижно на стуле, думая о красном цвете. Почему о красном, почему о цвете? Это знал

только Лёва Тройкин, но не считал нужным объяснять.

— Думай о красном цвете! Не отвлекайся! — приказывал Лёва.

И Туся думал. О красном, о красном, о красном цвете... О красном, о ясном, о прекрасном свете... О красном лете... Лето красное пропела, уж зима катит в глаза... Почему катит в глаза? Кто катит? Куда катит? Муха по стеклу... У мухи глаза... Один глаз, сто глаз...

— Отвечай, про что думаешь? — мрачно спрашивал Лёва Тройкин.

— Про глаз, — говорил Туся, — про мухих глаз...

— Эх, ты, — усмехался Лёва, — мухих глаз...

...Красный цвет, красный цвет, красная футболка, Лёвина футболка, футболка, футбол, забью гол... Красный гол, в красные ворота, красному вратарю, красным мячом! Ударю по красному мячу красной ногой! Ха-ха, красной ногой!..

— Чего смеёшься? — грозно спрашивал Лёва.

А ещё на днях...

— Подтягивайся! Р-раз! Ну, что же ты!..

Туся ухватился руками за железный крюк, которым запирают ворота, и повис. Позорно довис, как беспомощная тряпичная кукла. Он судорожно дёргался, болтался на вытянутых руках, кряхтел...

— Р-раз! Ещё, ещё, ещё...

Эх, слазь-ка...

Лёва Тройкин берётся за крюк, выжимается — резкий рывок вверх, на себя и Лёва — верхом на крюке.

А Туся болтается и кряхтит, кряхтит и болтается... Он на всё готов, лишь бы Лёва Тройкин взял его в друзья...

Позавчера, да, позавчера Лёва Тройкин играл с ним в шахматы. У Лёвы были чёрные, и он сказал: «Хочешь фору?» Туся отказался. Лёва сидел рядом на диване и смеялся. Туся слышал его. Видел — вот так — в двух шагах!

Как же он мог позавчера играть в шахматы, Лёва Тройкин?

Как мог он позавчера смеяться?

Ведь он уже знал это.

А Туся не знал, о чём Лёва думает. Что у него там, в голове, происходит.

Странно, странно всё. Непонятно. И страшно.

Что же это такое — не успеешь привыкнуть, узнать, подружиться, а уже куда-то всё проваливается...

Всё время надо с кем-то расставаться, а расставаться так печально...

И что ему, Тусе, за дело, что появились в его жизни какие-то новые, незнакомые и, наверно, хорошие люди — Алик, Сергей — и ещё появятся, и радости ещё будут, новые, незнакомые, что ему за дело до всего этого, если сейчас так плохо...

ЭПИЛОГ

У старинных писателей почти всегда бывает эпилог, то есть заключение, в котором они считают своим долгом сообщить читателям, живы ли, здоровы ли их герои, что сейчас делают и какие у них планы на будущее.

Я думаю, это потому, что писатели прошлого очень уважали своих читателей и не хотели, чтобы у тех оставались какие-нибудь неясности после чтения их книг. В этом смысле — да и не только в этом — надо брать пример с тех писателей.

Вы, конечно, поняли, что главный герой моей повести — Туся Пряников.

Теперь Туся Пряников — взрослый.

Попробуйте угадать, кем он стал?

Туся Пряников — учитель.

Специальность — учитель географии.

Планы на будущее — учитель географии.

Кое-кто из вас поморщился. А зря. Тот, кто морщится, сам может стать учителем, при виде которого другие будут морщиться.

Туся Пряников не такой.

Но это особая тема. Может быть, когда-нибудь я за неё возьмусь.

Туся Пряников первым прочёл эту повесть. Когда он прочёл её, мы сели с ним в трамвай, медленный и гремящий на стыках, и поехали в старый парк.

Дом стоял на прежнем месте. И сад тоже. А у крыльца — старая железная бочка. Вот и всё. Разве мало?

Кто мог подумать, что старая бочка простоит под стрехой столько лет и ничего с ней не сделается? Только чуть больше вращается в земле и становится совсем чёрной от времени. И что она встретит нас такой же светлой каплей, прозрачной, горячей на солнце, и эта капля на мгновение повиснет в воздухе... А вот и ещё, и ещё одна. Тра-та-та... Тра-та-та... Это ветерок подул, и капли падали быстрее, словно торопясь спрятаться в бочке. А там тонкая ряска, мохнатая, рыжая, чуть колышется, и капли едва пробивают её... Совсем чёрная стала бочка, и паук свил в её черноте свои чёрные сети, и сам спрятался в тени, а кругом — жара!..

Но всё это до первого настоящего дождя! И тишина, и паучье счастье, и мохнатая ряска... А потом — опять тишина, и опять дождь, и опять тишина... Точно невидимые качели: вперёд — назад, вперёд — назад...

Дяди Вовы нет, Лёвы Тройкина нет — умер с голоду Лёва Тройкин в Ленинграде, во вре-

мя войны; многих еще людей нет, и мы стали другими, и мир кругом другой, а старая бочка под стрехой стоит себе и стоит. Даже удивительно! Трудно в это поверить. Может, это другая бочка, не та? Может, и двор не тот и дом не тот?..

Нет. Всё то.

Кирпичи вокруг бочки лежали — так и лежат, только потрескались и позеленели, а в одном вода ямку выдолбила — розовую, пористую.

Между кирпичами — ромашки. Тогда тоже были ромашки... И лебеда. И подорожник...

Да и бочка, конечно, та же. Мы её сразу узнали. Просто когда-то она казалась нам больше...

Дядя Вова пропал без вести в начале войны, когда наши войска отступали к Ленинграду. Подробности мы с Тусей узнали совсем недавно.

Слышим как-то по радио: появилось бюро добрых услуг. Возвращает людям потерянные вещи, ищет родственников, пропавших во время войны. По просьбе сына — мать нашли. Отцу — дочь отыскали. Мужу — жену.

Может быть, и нам помогут. Попробуем дать объявление...

Дали. Ждём. Однажды вечером является гость. Старичок. Но ещё крепкий. Скромный такой, приветливый. Руку жмёт — пять минут не отпускает. Прямо в глаза смотрит, улыбается от души.

Мы — старичка под руку и за стол.

Вот что говорил за столом Фёдор Семёнович Жарков — в прошлом сапёр и слесарь, теперь — пенсионер.

— Ни-ни-ни! Избави боже! Выпью — плакать начну... Такое дело... А про товарища Пряникова, пожалуйста, всё, что знаю, расскажу. Служили мы с ним сапёрами. Немцу на память фугасы оставляли... Неразбериха была: сейчас свои, через час — чужие...

Заминировали один объект и видим: тормозит на дороге «эмка». За рулём майор. Раненый.

— Лейтенант, — спрашивает он товарища Пряникова, — можешь машину водить?

— Могу, — отвечает товарищ Пряников.

— Бери руль, — говорит майор, а сам на наших глазах кровью истекает. — В машине у меня сумка с документами, карты там... Мы окружены, надо прорваться...

Сказал — и голова набок. Мы майора перевязали и на

заднее сиденье. Сами в машину. Веришь — нет: баранка, сиденье — всё в крови.

Товарищ Пряников на шоссе и — ходу!

Смотрю по сторонам, вижу танк. Из деревни, наперерез, прямо по полю шпарит. Майор бредит, кричит: «Вперёд! Вперёд!»

Танк начал пристреливаться. Осколок заднее стекло пробил. Впереди, на счастье, поворот...

И вот тут я, грешный человек, подумал: «Господи, почему это мы с товарищем Пряниковым должны погибать из-за каких-то штабных бумажек?»

А товарищ Пряников будто подслушал меня.

— Фёдор Семёнович, — говорит, — сейчас я приторможу вон у той рощицы. Бери сумку с бумагами и... До ночи отсидишься, а там пробирайся к нам. Сумку — смотря по обстоятельствам — можешь спрятать в приметном месте...

Я говорю:

— Товарищ лейтенант, а вы как же?

Он кивает на майора:

— А его куда?

Я молчу. Что тут скажешь? Конечно, мы с ним случайные встречные, а ну как сам в такое дело попадётся...

— Попробую проскочить, — говорит товарищ Пряников, — может, успею его в госпиталь сдать...

Я говорю:

— Разрешите остаться.

А он:

— Не мешкайте, Фёдор Семёныч. Выполняйте.

Притормозил. Я — в канаву, трава надо мной сомкнулась, даже не успел сказать прощай... Такое дело.

— А дядя Вова?

Это Туся не выдержал.

— Кто-кто? А, товарищ Пряников... Дальше запылил... Лежу это я в канаве. Снаряды — бах, бах! — по дороге, танк мимо прогрохал, опять — бах! бах! Только к вечеру тихо стало...

— А дядя Вова?

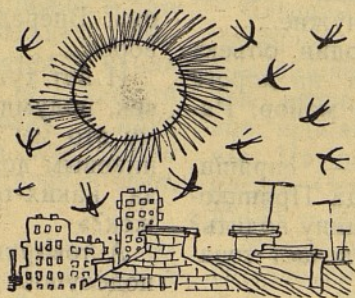
Это опять Туся.

— Ничего больше не знаю, желанный мой. Дальше начинается история моих скитаний. Если интересно, пожалуйста...

.

Вот и всё, что мы узнали про дядю Вову. Если вы что-то услышите — мало ли придётся, — сообщите нам с Тусей.

Мы будем вам очень благодарны.

НАЧИНАЕТСЯ С КОПЫТА

Рисунки В. Гусева

Трамвай — и вообще любой транспорт — начинается с лошади. Сперва на лошадях разъезжали верхом. Но это не такая уж радость. Во-первых, ездить верхом — надо тоже уметь. К тому же очень трясёт и подкидывает, а не все это любят. Во-вторых, если все пожелали бы ездить, то на каждого человека понадобилась бы одна лошадь. Значит, лошадиное население мира должно было сравняться с человеческим. Каждый человек должен был бы прокормить и обеспечить жильём одну лошадь. Это трудно. Так что вскоре придумали цеплять к ним повозки. Теперь уже хватало одной лошади на целую семью...

ДЛЯ ВСЕХ

Триста лет назад, в 1662 году, в Париже появились конные повозки на восемь человек. Повозки были как повозки, но необычно было то, что они в определённое время проезжали по определённым улицам и брали внутрь себя всех людей, кто захочет, — конечно, за плату. Идею подхватили.

Повозки называли омнибусом. Палатыни это означает — для всех. Тогда всё больше давали латинские названия, чтоб не очень понятно. Омнибус, то есть большая карета, запряжённая лошадьми, курсирующая по городским марш-

рутам с кучером и кондуктором, прожил до нашего века, до первой мировой войны четырнадцатого года.

Но в его истории вышел конфуз. Французы его придумали и тут же обратно раздумали. Ходили повозки по Парижу, подбирали желающих, возили через город. И вдруг парижская палата принимает решение: запретить проезд в омнибусе рабочим, солдатам и слугам! А ведь эти повозки были там не государственные, у них имелись владельцы. Владельцы просто впали в отчаяние от такого решения.

— Кто же тогда у нас будет ездить? Это наши главные пассажиры, мы без них разоримся!

И хотя тогда ко всем владельцам относились почтительно, их всё-таки никто не поддержал перед тогдашним начальством. Решения не отменили. По тем временам само понятие «для всех» казалось диким и неправильным. Из-за этого решения палаты омнибус во Франции исчез в 1678 году, прожив всего 16 лет. После этого целых полтора столетия нигде в мире омнибуса не было. И только начиная с 1827 года он снова распространился по всей Франции, потом перекинулся в Англию и поехал дальше, по всем крупным странам.

В Петербурге омнибус появился в 1848 году. У нас его стали на-

зывать общественной каретой, или дилижансом. Каждый маршрут в то время красил свои кареты в один какой-нибудь цвет, не такой, как другие, — чтоб издали было видно, который идёт.

От Дегтярной улицы на Петербургскую сторону ходили кареты малиновые. От Бассейной улицы до Покровской площади людей возили синие. Теперь это была бы поездка от улицы Некрасова до площади Тургенева — от поэта к писателю — в синей карете. Однако, несмотря на разные красивые расцветки, в народе прозвали все кареты одинаково: «сорок мучеников». Уж очень в них было тесно и людно.

В Москве появился не дилижанс, а линейка. Волчок, или линейка, походил на двойную скамью, на которой боком к движению, спиной друг к другу сидели в два ряда десять или немного больше пассажиров.

Никаких билетов у линейки, конечно, не было. И у общественных карет сперва тоже. В них платили гривенник при входе — и езжай хоть до самого конца.

ЖИВАЯ ТЕХНИКА С ХВОСТОМ

Во всяком транспорте главное — тяга. То есть то, что толкает и тянет его вперёд. Скоро всем стало ясно, что лошадь для этого не очень подходит. Огромные рыдваны тащить ей тяжело, просто даже непосильно.

Но не слонами же её заменять? Они оказались бы слишком велики для наших улиц. Да и ход у них тоже неспешный. Да и вообще слоны в диковинку у нас. Хотя, кто знает, может, такая мысль

у кого-нибудь и возникала. Во всяком случае, императрице Елизавете Петровне подарил как-то персидский шах слонов — неизвестно зачем. Может, он имел в виду наладить в Петербурге городское движение. Но, наверно, что-то там произошло, какая-то дипломатическая ошибка или недопонимание, и со слонами в Петербурге не знали, что делать. Им построили особый двор возле Смольного, и даже назвали Слоновой ближайшую улицу. Теперь это Суворовский проспект.

Лошадь (да и слон) — она живая, не то что электричество или бензин. Она и напачкает на улице. И штрафовать её за это бесполезно, она не поймёт. Раз живая — то может даже помереть среди дороги от тяжёлой работы. Представляете? Вы едете на службу, но вдруг остановка:

— Дальше не поедем ввиду временной кончины правой приставной.

И сиди, жди, опаздывай. А потом объясняй, что по техническим причинам. Стало быть, надо срочно заменять лошадь чем-то не очень живым, что могло бы двигать телегу за собой, как живое.

Новую тягу — пар — изобрели ещё в восемнадцатом веке. Изобрели паровую машину, потом паровоз и пустили по рельсам, потому что он тяжёлый и без рельсов не пойдёт. У нас в России рельсы понравились, а паровоз заменили привычной лошадкой. На первой открытой в России Царскосельской железной дороге пассажиров везли сперва лошади.

Название этот вид транспорта получил весьма смешное: конно-железная дорога. Правда, тут же его и сократили, стали говорить просто «конка».

ИСТОРИЯ КОНКИ

Конка — это тот же дилижанс, только поставленный на гладкие рельсы. Сперва это было облегчение лошадям — но, впрочем, ненадолго. Раз по рельсам легче, рас-

судили хозяева, то вагоны можно взять и увеличить — везите, родимые! И везли, надрывались. Вагоны, хотя и деревянные, но тяжёлые, из дерева твёрдых пород. Да ещё насадут и налезут пассажиры внутрь вагона. Да ещё набьются на крышу: туда была лестница, там была площадка со скамейками — империя, как её называли.

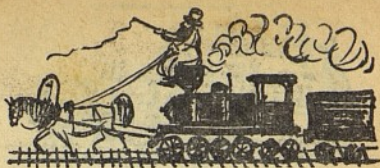
«Вследствие частых остановок вагона и трудности брать его с места, лошади на конно-железных дорогах быстро портятся» — так, научно, писала энциклопедия Брокгауза и Эфрона в 1895 году. Ну, а не научно, по-простому, нам очень понятно, что такое означает «портятся».

А конка, особенно пассажирская, нужна была для Петербурга уже очень. Как раз в середине прошлого века его население перешло за полмиллиона. Но только с 1862 года начали строить постоянные пассажирские линии. Первыми были Невская, Адмиралтейская — от Адмиралтейства на Васильевский остров — и Садовая.

Из Петербурга конка стала распространяться по другим городам. Через двадцать лет она добралась до всех тогдашних главных городов Российской империи: до Москвы, Варшавы, Одессы, Харькова, Тифлиса, Казани, Риги и Киева. Всего в России к этому времени было в наличии 600 верст конно-железных дорог.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ПРОСИТСЯ В ТРАНСПОРТ

Первый раз электричество на транспорте применил академик Борис Семенович Якоби в 1838 году. В тот год, когда царь покати́л на лошадях по железной дороге. Именно тогда-то Якоби и придумал электрический мотор к большой лодке, поставил в неё гальванические батареи, посадил четырнадцать пассажиров и немного поката́лся на ней по реке. Причём на удивление глазевшим, нарочно повернул против течения.

Итак, главный в государстве человек сел на конку, почитая её за великую новость, а в том же городе, у него на глазах, начинается транспорт, который в недалёком будущем станет важнейшим. Трамвай, троллейбус, метро, электричка, подводная лодка — всё началось с той лодочки Якоби. Но они ещё где-то впереди.

Только в 1880 году изобретатель Федор Апполонович Пироцкий «в результате многолетних опытов изобрёл трамвай». Произошло это тоже у нас, в Петербурге. Само же название трамвай пришло из Англии. *Tram's way*, то есть «дорога Трэма» — так называли паровую конку в Англии. Первым пустил её в Лондоне изобретатель *O'Tram*, потом этот термин перенесли и на трамвай современный.

Первый электрический трамвай был пущен в Германии в 1881 году, то есть позже Пироцкого, на линии Берлин—Лихтерфельде. А первый русский трамвай прошёл по Киеву в 1892 году. Недавно праздновали его семидесятилетие.

ВОЙНА ТРАМВАЯ И КОНКИ

В Киеве тоже бы долго не ввели трамвая, да горы помогли. Там улицы идут с холма на холм, и конке трудно справиться с подъёмами. Уже через год после пуска конки её хозяева сами стали электрифицировать свои линии.

Затем трамвай появился в Одессе, Твери, Екатеринославе, а уже потом в Москве и в Петербурге. Тут им сильно помешала конка.

Казалось бы, как раз наоборот: если есть рельсы, то это и лучше. Пустил по ним трамвай вместо конки — и вся недолга. Но дело

было сложнее, чем нам кажется. И рельсы не такие, какие нужны для трамваев, и провод надо на что-то подвесить... До революции провода для трамваев подвешивали на металлические столбы с перекладиной, врытые между путями. Эти столбы тогда стояли посреди всех трамвайных улиц, потому что владельцы домов не давали крепить провода к своим личным стенкам.

Со всем этим справиться было бы можно, но так как конки были тоже частным владением, то они и помешали на долгие годы трамваю. Когда-то город продал право на устройство конки разным обществам купцов и промышленников — дал им концессии, как тогда говорили. Продав свои улицы на 40—50 лет вперёд, город очень радовался, потирал свои хитрые руки и думал:

«Ай да я! Два горошка на ложку: и горожане будут довольны, получили конку, которая не станет мне ни в грош, да ещё и денежки мне заплатили, а они пригодятся на разные нужды».

Теперь же город пожалел, но было поздно. Эти общества ни за что не хотели отдать обратно улицы, и по закону они были правы. И электричество сами вводить не желают — им невыгодно.

Тут начались настоящие войны. В Москве развернулась война партизанская. По соседним улицам параллельно линиям конки прокладывали быстренько трамвай и пускали. Он, понятно, ходит быстрее и точнее, пассажир валит к нему, доходы конки редуют, она прогорает. Владельцы пишут в газету, подают в суды, обижаются, кричат, грозят, умоляют. Наконец,

один за другим они сдаются, продают свои концессии городу.

Первый трамвай пошёл в Москве 26 марта 1899 года, между Бутырской заставой и Петровским парком.

В Петербурге война была более затяжной. Правда, у нас трамвай однажды сделал очень хитрую вылазку.

По договору с конкой управа не могла пустить по улицам никакой другой транспорт, чтоб не отбивал у неё пассажиров. По улицам нельзя? Хорошо, не будем по улицам. Мы пустим по реке, по льду. Там оспаривать трамвай никто не сможет. Начиная с 1895 года и в течение нескольких зим они ходили в разных местах по Неве. Прямо на лёд клали рельсы, втыкали столбы и пускали маленькие открытые вагончики.

Но показав себя в деле, трамвай ещё долго не мог пробиться на улицы города. Только 16 сентября 1907 года пустили первую линию, длиной в два километра с небольшим. Трамвай пошёл с Васильевского острова к Адмиралтейству, вместо старой коночной линии.

БИЛЕТ

Собственно история билета начинается с железной дороги. В конку он перешёл уже оттуда, а из конки в трамвай. Он уменьшился в размерах по сравнению с поездом, перешел на бумагу с железнодорожной картонки, наматался на катушку и стал отрываться с неё, как теперь мы и видим.

За время своей жизни он менял свои размеры и цвет. На нём менялись надписи, цифры, буквы, рисунки и полосы. Было время, когда билеты сплошь усеивались цифрами. Они стояли в середине, бежали кругами вдоль по краю, стояли длинными колонками, в которых вряд ли кто-нибудь мог разобраться. Было, что на всех билетах печатали призывы и разные лозунги. Бывали на обратной стороне объявления: «В цирке новая программа — медведи под купо-

лом», «Не забыл ли ты дома включенный утюг?» и другие.

Были билеты на один кусок маршрута, были на всю поездку. Были и такие, по которым разрешалось пересечь на другую линию. При контроле у билетов отрывали углы, рвали их пополам, пробивали кружочками, треугольником, квадратом или цифрой. Иногда при контроле совсем отбিরали.

История билетов не хуже самого интересного романа.

НАША ОБЩАЯ ПРОВЕРКА

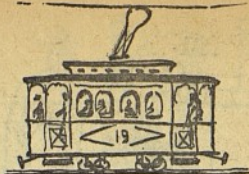
Билет ввели, чтобы проверять пассажира: а платил ли он за проезд? С другой стороны, при помощи билета можно было проверять и кондуктора. Если пассажир не дошёл до такого уровня сознания и честности, чтоб автоматически платить, не ожидая угрозы, то и кондуктору можно ли вполне доверять? Ведь у него собираются немалые деньги. Билет как раз и помогал отчитаться перед начальством за плату, полученную с пассажиров.

Кондуктора вооружили билетами, хотя это требует лишних затрат, требует бумаги, краски, наборов, печати. В тридцатые годы трамвайчики Берлина жаловались, что у них на сами билеты уходит два процента всех трамвайных расходов.

Можно ли обойтись без билетов? В общем, можно.

Перед первой мировой войной в Америке кондуктор ходил по вагону, собирав с пассажиров деньги, но билетов не давал. А каждого уплатившего он регистрировал, то есть дёргал верёвку, которая шла по вагону и приводила в действие регистр, находившийся под крышей. Дёрнет он за верёвку, раздастся звонок, и на регистре выскочит цифра, — такой был счётчик пассажиров, по которому кондуктор отчитывался.

Но ведь если очень хочешь об-

мануть, то можно и не дёргать за верёвку. Тогда эта монета останется тебе. А если пассажиры запомнят, можно спохватиться и притворно сказать:

— Ах, простите, забыл! Сейчас дёрну. Совсем тут с вами замотался, голова идёт кругом.

Так что и тут полного контроля над кондуктором не было.

Тогда заставили его делать всё то же, но деньги класть в запечатанный ящик. Оттуда уже их никак не достать. Но тогда и сдачу невозможно сдавать. Были приспособления, которые давали кондуктору возможность вынимать из ящика деньги, но так, чтобы каждая вынутая монета автоматически считалась. В общем, сложнейшая техника была пущена в ход, чтобы проверить кондуктора. А зачем? С билетом всё делалось проще.

БЕСПЛАТНО

И вдруг у нас в России трамвайную плату совсем отменили. Некоторое время после революции трамваи в Петрограде почти не ходили, зато с 1 октября 1920 года трамвай стал возить всех, кто хочет, бесплатно.

Но что тут началось! Многие, кто ещё недавно любил прогуляться пешком по свежему воздуху, теперь уже никак не могли пройти спокойно мимо такого прекрасного, бесплатного дела. Они садились в трамвай, хотя бы даже на одну остановку. Они лезли, давились, выдирали себе пуговицы, теряли калоши, ломали подножки, обрывали буфера у вагонов. Это и был тот страшный трамвай, о котором многие не могут забыть.

Оказывается, плата за проезд — это не просто деньги, нужные городу. Она регулирует и работу трамвая. Конечно, дело было ещё и в том, что за время первой мировой войны трамвайное хозяйство пришло в упадок. Вагонов не хватало, они были старые, часто ломались. Но за этот бесплатный год их вообще доломали.

Поэтому 20 сентября 1921 года вновь ввели плату, сперва только в те часы, когда перевозили людей нерабочих — с полдесятого до половины четвёртого дня. Но так как трамвай ходил тогда с семи утра до шести вечера, то на бесплатный проезд оставалось времени мало.

С начала 1922 года трамвай стал платный для всех. Несколько лет на нём пробовали разные тарифы, разные системы участков. А в ноябре 1929 года, когда он окреп и стал работать спокойнее и регулярней, ввели единый тариф. А на автобусе тарифные участки продержались до 1962 года.

ИНОСТРАНЦА С ПОЧЁТОМ ВЕЗУТ НА ТРАМВАЕ

Почти с самого своего начала трамвай понимал, что на нём ездят разные люди. И если одним из них лишний пятак ерунда, то другим, наоборот, каждая копейка при расходе заметна. Трамвай это учитывал, он всегда был самый

демократический из всех видов транспорта.

Ещё с начала века английские профсоюзы добились, чтобы рабочим давали льготные талоны для поездки на работу. Этими талонами можно было пользоваться до восьми часов утра. В Петербурге до революции тоже в ранние часы билет стоил вдвое дешевле.

Когда в 1922 году увидели, что приходится всё же трамвай делать платным, то для рабочих ввели особые льготные талоны, которые продавали по спискам на заводах и фабриках. Правда, это было неудобно. Поэтому вместо талонов стали заводить просто карточки. И теперь это единственная форма льготных билетов.

В двадцатые годы было много любопытных льготных карточек и удостоверений. Я все их видел в архиве.

Вот удостоверение со штампами: «Красноармейское» и «Инвалидское».

А вот «Билет на право проезда по всем линиям Ленинградских городских железных дорог с правом входа с передней площадки. Выдан делегату на юбилей Академии наук СССР. Сентябрь 1925 года».

Городские железные дороги — так тогда называли трамвай.

В августе 1925 года был отпечатан большой красный «Билет на право проезда по всем линиям Ленинградских городских железных дорог. Выдан члену делегации германских, французских и бельгийских просвещенцев». Нам сейчас это видеть смешно, но тогда совсем ничуть: вот как плохо было с автомобилями, что даже иностранцев возили в трамвае. Хотя, конечно, возили с почётом, бесплатно.

Детей сперва возили в трамвае бесплатно до пяти лет, потом до семи. Было время, когда смотрели по росту, подводили к мерке: ниже одного метра — проезжай без билета, вымахал больше, тогда плати деньги. Чтобы не было споров и вообще пререканий.

В Германии, в городе Кельне в тридцатые годы была установлена специальная скидка для детей, которые возили родителям обед на завод. Они платили вчетверо меньше.

У нас для школьников, для ремесленников есть специальные дешёвые карточки на весь месяц.

ВОПРОС

Длинную историю прошёл трамвайный билет, прежде чем стал таким, как сегодня. А сегодня он стал непохож на себя прежнего. На нём уже не стоит цифра стоимости, потому что это не прежний билет, который продавал кондуктор, а просто контрольная бумажка, которая говорит, что ты бросил в кассу деньги за билет или за багаж.

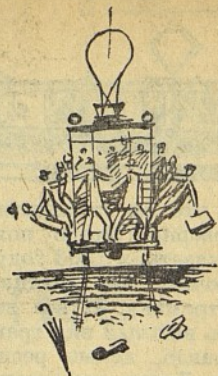
Он говорит о том, что теперь почти везде кондуктор отменён и все расчёты доверены нам. Конечно, не всегда мы оправдываем это доверие, но от этого хуже только нам. Хуже не потому, что поймают, а потому, что стыдно. Если мне не доверяют, я ещё могу исхитриться и обмануть. Но когда ко мне есть доверие, то я словчить не могу.

Тут появляется такой вопрос:

— Отчего так много разных способов в простом вроде деле — в сборе платы за проезд на трамвае?

На этот вопрос ответить можно только так: потому что у каждого из нас есть свои недостатки, но есть и достоинства. Каждый учитывает привычки своих пассажиров, разные обычаи, характеры, условия города.

Я думаю, что тем, для кого написаны эти страницы, как раз достанется — среди других разных дел — устроить самым разумным образом всю городскую жизнь, а значит, и транспорт. Может быть, это будет уже бесплатный транспорт, но может, и нет. Тогда вопросы оплаты будут тоже не последними.

Единственно мне хотелось бы, чтобы, переделывая всё по-новому, по-своему, вы не забывали прежнего опыта всех людей из всех стран. И ещё я стараюсь никогда не забыть, что любое крупное изменение должно давать большую выгоду государству и удобство всем людям, а то уж лучше оставить всё как было.

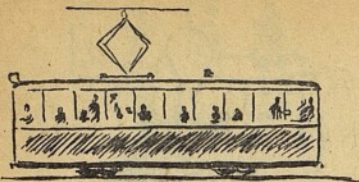
ЧТО БУДЕТ

Самым лучшим годом для трамвая в нашем городе был 1940-й. В этот год он перевёз больше всего пассажиров. К этому году длина его линий достигла 220 километров, считая вдоль улиц.

Потом война, блокада, опять не до трамваев. Но трамваи ходили всю блокаду, кроме трёх месяцев первой зимы. Они ходили под бомбёжкой, под снарядами, часто стояли, ждали, пока починят рельсы или провод, — но всё же ходили. И это был единственный транспорт для ленинградцев.

Единственным он оставался некоторое время и после войны. Но и в последующие годы он — самый главный, он перевозит большую часть пассажиров. Хотя его уже подменяет автобус, а троллейбус и метро отнимают законных его пассажиров.

Нельзя сказать, что трамвай — самый современный транспорт.

Сказать, что он старейший, тоже будет неверно. Метро появилось, кстати сказать, в 1863 году в Лондоне — почти на двадцать лет раньше трамвая. И всё же трамвай очень важный вид транспорта. Есть, правда, целые республики, например Литва, где трамваев нет вовсе. Но в таком большом городе, как наш, трамвай ещё долго будет очень важным транспортом.

Когда пустили в Ленинграде метро, то кинулись снимать на многих улицах трамвай, заменять их троллейбусом. Конечно, на Невском проспекте без трамваев стало лучше. Но в некоторых местах, например на Обводном канале, трамвай пришлось возвращать обратно.

Чем же плох и чем хорош трамвай?

Плохо то, что он шумит, грохочет, мешает жителям спать и работать. Но теперь есть бесшумные новые вагоны.

Трамваям нужны рельсы, прокладывать их дорого и не быстро. Автобус и троллейбус пустить гораздо проще. Поэтому в новые районы, как правило, сперва пускают автобусы.

Трамваи берут пассажиров среди улицы, а значит, весь транспорт должен останавливаться, чтобы люди могли пройти к трамваю. Автобус этого не требует, он управляется пассажирами скромно, у края дороги. Троллейбус тоже.

Но у трамвая есть главное преимущество перед всеми — он забирает сразу вчетверо больше народу, чем автобус или троллейбус. Даже если автобусы пускать через две минуты друг за другом, то они не смогут перекачать такой поток людей, как трамвай. В этом трамвай похож на метро, но метро построить гораздо дороже и дольше.

Оказывается, можно избежать недостатков трамвая, оставив все его достоинства. В Будапеште на окраинах трамвай идет по улицам, а дойдя до центра, спускается под землю. Спускается он неглубоко, но уже не мешает движению. Такой подземный трамвай намечено сделать и у нас в Ленинграде.

*

Сергей СКАЧЕНКОВ

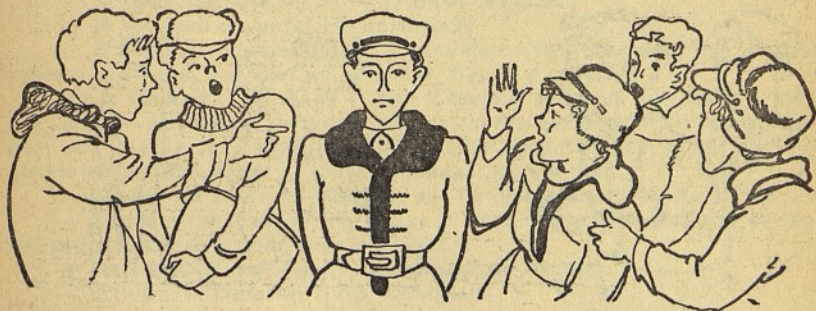
М А Р Т

Синие лужи,
Рябые от ветра,
Последние стужи —
Марта приметы.

Расплакались крыши
Звнящей капелью,
А солнце всё выше,
Всё ближе к апрелю.

ДВЕ СОВЕРШЕННО ФАНТАСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ

ИСПЫТАНИЕ

В СЕРЕДИНЕ второй четверти к нам в класс подкинули одного чудака. Звали его Орфей. Но это ещё не всё. Новенький вообще был каким-то непонятным типом. На первом уроке Володька Титов залепил ему из резинки по затылку, а он даже не обернулся. А когда Вовка промазал и попал пулькой в доску, этот странный Орфей поднялся и сказал:

— Пётр Иванович, нарушение дисциплины произвёл ученик Титов.

На переменах мы умело приставали к новенькому. Прямо допекали его разными способами. Но он ни на кого не обращал внимания, а только всё поучал спокойным голосом:

— Не следует так выражаться. Таких слов нет в русском языке.

— Зачем бегать по коридору? Это воспрещено правилами поведения.

Тогда Вовка Титов не выдержал и сказал ему прямо:

— Знаешь что, давай подерёмся, если ты такой.

Орфей не струсил, не удивился, он даже ни капельки не изменился лицом. Упорно глядя на нас, он ответил, будто продиктовал:

— Дерутся умственно отсталые существа. Мы — совершенные, мы не должны воскрешать привычки прошлого века.

Как раз была контрольная по алгебре, и новенький решил быстрее всех. А потом он сидел, словно замороженный, и никому не подсказывал, не помогал, не давал заглянуть в свою работу. После уроков он не толкался в раздевалке, а всё спрашивал, кто последний. И тут Вовка Титов что-то сообразил. Он велел нам не расходиться и не обижаться, если что будет во дворе. А когда новенький вышел из школы, Вовка

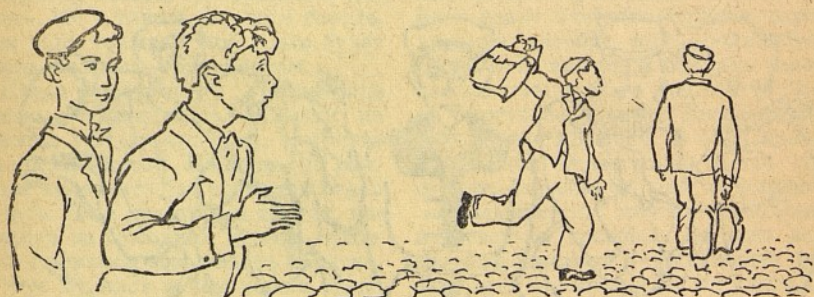
сдёрнул у Кольки шапку и стал её гонять по двору, как футбольный мяч.

— Пасуй сюда! Пасуй мне! — орали мы и поддавали шапку ногами. И вот шапка подлетела Орфею прямо под правую. Но он не пнул её, а поднял с земли, отряхнул, отдал Кольке. И тогда Вовка закричал: — Понял, понял! Теперь всё ясно! Ребята, нам подсунули робота! Мы тоже всё поняли и закричали:

— Робот, робот! Это же робот! Протестуем! Долой!..

Так в 2068/69 учебном году провалилось испытание новой модели ЧП-12 «ОРФЕЙ», выпущенной Педагогической академией с целью укрепления дисциплины в школе путём образцового примера.

ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО

ЛЕТОМ папа вернулся с Марса и привёз мне в подарок космическую коллекцию минералов. Первого сентября я притащил её в школу, чтоб удивить всех и похвастаться. Ребята взглянули и обалдели.

— Вот это да-а! — сказали они.

Только Вовка Титов дёрнул плечами и отошёл, будто его не тронула замечательная коллекция. А на другой день он сказал перед уроками:

— Всё — ерунда и твои камушки тоже. Я могу иметь всё, что пожелаю, да не хочу. А понадобится, так — ого, только держись! Бриллианты будут.

— Как это? — не поверил я.

— И просто, и сложно, — ответил он, глядя на меня странными, упорными глазами. — Я научился внушать.

— Что внушать, кому?

— Отсталость! — обозвал он меня. — Свою волю на расстоянии и кому угодно. Вот прикажу тебе отдать коллекцию — и ты отдашь.

Я засмеялся над ним, но осторожно. Мало ли: вдруг и правда на каникулах прошёл какие-нибудь курсы. Я сказал:

— А ну, внуши мне что-нибудь простое, не обидное.

— Пожалуйста, — сказал Вовка, — приготовься.

Он соорудил волевую рожу, уставился на меня диким взглядом, а я — хоть бы что, ничего не почувствовал. Долго таращился Вовка, и мне надоело, и я посмотрел от скуки на потолок.

— Ага! — крикнул он, — как раз это я и приказываю тебе!

— Врёшь ты, я сам захотел, — заспорил я.

— Тебе только кажется, что сам. А на деле — это моя воля и сила внушения. Но если не веришь — смотри. Сейчас этот человек подпрыгнет на месте и побежит.

И что же! Шёл какой-то второклассник, шёл спокойно, только торопился — до звонка минуты две. Вовка вытупил на него сумасшедшие глаза, и мальчишка вдруг подпрыгнул и побежал. И тут я заметил в Вовкином лице действительно что-то особенное, пронзительное, даже жутковатое что-то. Но я сказал беззаботно:

— Подумаешь, чудо двадцать первого века. Да сейчас в любой больнице есть врачи-гипнотизёры. А ещё, может быть, это просто совпадение.

— Совпадение? — Вовка глянул на меня с мудрым презрением. — Смотри, покажу ещё: вон тот человек догонит того и даст ему по спине портфелем. Смотри...

Так и вышло: человек огрел человека, и они оба помчались в свой класс. Мы тоже пошли в класс, потому что прозвенел звонок на урок.

— Ну, теперь-то ты веришь? — спросил на ходу Вовка.

— Совпадение. Всё это можно было предугадать.

— Хорошо, — сказал Вовка, — я тебе докажу.

— Не докажешь, — сказал я.

— Может, поспорим? Ну — на одно желание.

— А что мне спорить? Не докажешь.

— Всё ясно, — сказал Вовка и засмеялся так противно, что я сразу принял его пари, чтоб он не подумал, будто я струсил.

Тут и началось! Вызвали Игоря Славина, и Вовка вонзился в него внушающим взглядом, напрягся весь, выпятил челюсть. А Игорь открыл рот, но, вместо того чтоб отвечать, вдруг сунул в него палец и стал сосать с идиотским видом. Вовка толкнул меня в бок.

— Ничего не значит, — шепнул я. — Ты приказывай, чтобы я слышал.

— Ладно, — кивнул он, не сводя с Игоря пристальных глаз, — сейчас он скажет: «Носорог упал с Луны».

— Носорог упал с Луны, — пробормотал Игорь.

— Что-что? — спросил Петр Иванович.

— Я — страус, — приказал Вовка.

— Я — страус, — ошалело промямлил Игорь.

Петр Иванович присмотрелся к Славину и тут же велел дежурному проводить его к врачу.

— Может, стукнуть его с разбегу в стенку лбом? — предложил все-ильный Вовка.

— Ты что. Этого ещё не хватало. Полегче.

— Тогда хочешь он чирикнет по-воробыиному?

— Пусть, — пожелал я сам. И Вовка выполнил даже моё желание.

— Чик-чирик, чик-чирик, — пискнул уже в дверях Игорь Славин...

После уроков мы с Вовкой пошли ко мне, и я отдал ему свою космическую коллекцию минералов. Я был настолько ошарашен, что даже не очень жалел, что проиграл пари. К тому же, я надеялся после этого выведать у Вовки про курсы, где он обучился внушать. Когда он ушёл, я ещё долго вспоминал всё случившееся, убеждаясь снова и снова в могучей Вовкиной силе. А потом я побежал к Славину, чтоб извиниться и узнать, что с ним стало и как он себя чувствовал тогда. Я вошёл в его квартиру, прошёл прихожую и чуть было не постучал в дверь комнаты, как вдруг услышал:

— Тебе, мне. Тебе, мне.

— А что ты себе самые лучшие отбираешь?

— Моя идея. Тебе, мне...

Я потихоньку заглянул в Игореву комнату и увидел... Сами понимаете, что я увидел. А ведь какой замечательной была коллекция минералов с Марса! Теперь не то — разве можно её делить?

Почему полетел бегемот?

Почему полетел
на луну БЕГЕМОТ?
Он лежал и пыхтел
в середине болот.
Грустно-грустно

пыхтел,
папиросу курил,
ничего не хотел,
сам себе говорил:
— Улетел ПЕЛИКАН,
БУРЕВЕСТНИК

и ГУСЬ.
Я, такой великан,
не летаю, — боюсь!
Полетели ПАВЛИН,
и КУКУШКА и ЖУК.

А. А. МИЛН

Меховой медведь

А если б, как медведь,
я мехом весь оброс —
не стал бы я смотреть
на снег и на мороз!

Метельно или вьюжно,
морозно или снежно —
тревожиться не нужно,
когда одет медвежно!

Я ходил бы в большом меховом колпаке,
в меховых рукавицах — на каждой руке,
и в большом меховом пиджаке — на боках,
и в больших меховых сапогах — на ногах.
Меховым одеялом укрыт с головой,
всю бы зиму в постели я спал меховой!

Перевод с английского Н. СЛЕПАКОВОЙ

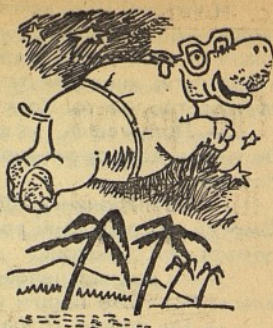
Я в трясине один,
как лягушка, лежу!
На болотах
сентябрь.
Хор лягушек уснул.
Даже листья — летят!
Скоро квакать
начну!

Самолеты звенят
и летают до звёзд.
Почему у меня
не пропеллер,
а хвост?

Почему до сих пор
я не сделал дела?
Где мой мощный
мотор?
Где мои два крыла?
А ведь можно легко,
стоит лишь захотеть,
далеко-далеко
от болот улететь!
Трудно, правда!

Ну да!
Только трудности —
чушь!

Эх, вода — ерунда!
Вот возьму — полечу!
Небольшой перелёт
до Луны — пустяки!
Вот надую живот
и надену очки!
Он очками чуть-чуть
покрутил, повертел...

Он сказал:
— Полечу!
А потом полетел...
Полетел БЕГЕМОТ,
только чмокал
губой,
кувыркался живот,
будто шар голубой!
На большой высоте
он ушами рулил,
он очками блестел,
папиросу курил!

Улетел БЕГЕМОТ —
вот и все чудеса!
Кто не верит —
прочтёт
и попробует сам!

Рис. В. Адаева

Рис. Ю. Бочкарёва

Где растут крокодилы

Я правду скажу,
Ну а кто не поверит,
Пускай не смеётся,
Пока не проверит.
В тропических
 странах,
Далёких и редких,
Растут крокодилы
На тоненьких ветках.

В лесу,
Где стволы
Обвивают лианы,
Свисают они,
Словно гроздь
Бананов.

Под солнцем
 палящим
Они изнывают,
Но их почему-то
Никто не срывает.
Все мимо проходят
(И даже
 мальчишки!)
Что сделаешь —
Здесь
Крокодилов
Излишки.

Как жаль,
Что такие деревья
У нас
Совсем не растут,
В нашем парке,
Сейчас!

Рис. Ю. Шабанова

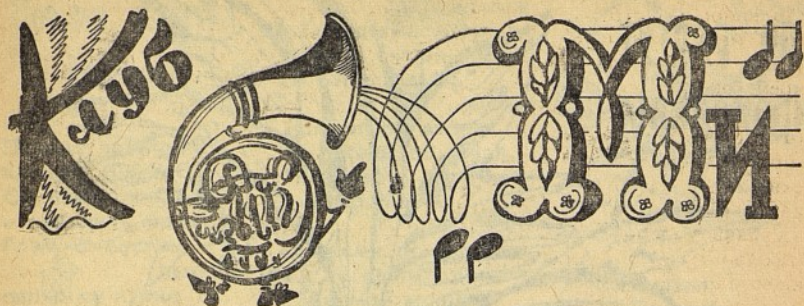
Представь
На минутку
Такую картину:
С собою берёшь ты
Большую корзину.
Идёшь не спеша
Крокодилъей аллеей
И выбираешь,
Какой покрупнее.

Приносишь
 домой ты
Зубастый гостинец,
И вот уже дом твой
Похож на зверинец.
Спешите, ребята,
Входите, ребята:
За вход — пятачок,
Пустяковая плата.

В тропических
 странах,
Далёких и редких,
Растут крокодилы
На тоненьких ветках.

А тот,
Кто не слышал
И кто мне
Не верит,
Пускай не смеётся,
Пока не проверит.

Пусть едет
На берег
Далёкого Нила
И запросто
С ветки
Сорвёт крокодила.

ПРЕПЬЕ

— Я называю своё выступление «В защиту виол», — провозгласила Виолончель, когда заседание было открыто.

— А от кого их нужно защищать? — удивился Орган.

— Разве вы не знаете, что мы, скрипки, альты, виолончели и контрабасы, долгое время враждовали с виолами? Хотя, честно говоря, находимся с ними, если можно так сказать, в двоюродном родстве.

А началось всё в семнадцатом веке, который был в музыке веком клавесина и виол. В богатых салонах дворянских семей ворковали инструменты, напоминающие нынешние скрипки, альты и виолончели. Представьте себе, коллеги: вот зазвучало вступление клавесина. Его стеклянный холодный звук повисает в воздухе, точно побрякушки на люстре. С ним переплетается вкрадчиво мурлыкающее звучание виол. Какие они все разные, эти виолы! Большинство из них музыканты держат вертикально, как виолончель. Это — «виолы да гамба». «Гамба» — по-итальянски

«нога». Виолы у ноги. А вот нежно запели небольшие виолы, которые музыканты держат у плеча. Эти виолы называют «виолы да браччо». «Браччо» — в переводе означает «плечо». Виолы у плеча за их

певучий звук называют ещё «виоль д'амур» — виола любви...

А в это время на площадях и на улицах пронзительно и громко пела скрипка. В Италии о скрипке ещё и не слыхали, когда в славянских странах без неё не обходилась ни одна деревенская свадьба, ни один праздник. Родилась будущая королева музыкальных инструментов не в Италии, как некоторые считают, а в одной из славянских стран. В Польше её называли «мазанкой». Слово, похожее на русское «мазание», означало — вести смычок по струнам. Со временем звучание скрипки становится всё благородней. Даже нежным ушам обитателей салонов звук скрипки не кажется уже таким грубым. Но разве можно допустить эту «безродную деревенщину» в залы, где звучит благородная виола! Разве носит

дворянин такой же костюм, как безродный подмастерье! Разве приспособлены уши господ к грубым речам простолюдина! Нет-нет, скрипке не место в мире прекрасных искусств! «Скрипач конским хвостом водит по четырём овечьим кишкам», — писал один из противников скрипки, почему-то забывая, что на смычке для благородных виол тоже натягивали конский волос, а струны делали если не из овечьих, то в лучшем случае из обезьяньих кишок.

Итак, коллеги, виолы — соперницы скрипок. Но, уважаемые, вот первое слово в защиту виол. Виолы приучили слух музыкантов к чистой игре. Почему композиторы так долго не решались ввести в состав оркестра группу скрипок? Да потому, что группе скрипачей значительно трудней было сыграть всем вместе совершенно одинаковую ноту. Высота ноты зависит от того, в каком месте скрипач прижмёт струну пальцем. Ну-ка, добейся, чтобы все музыканты сыграли совершенно одинаковую по высоте ноту «до» или ноту «соль»! В группе виол этого добиться значительно проще. У виол были лады. Как у нашей современницы гитары или балаалайки. Представьте себе гитару... Чуть выше или чуть ниже поставлен палец — неважно. Главное, чтобы струна оказалась прижатой к

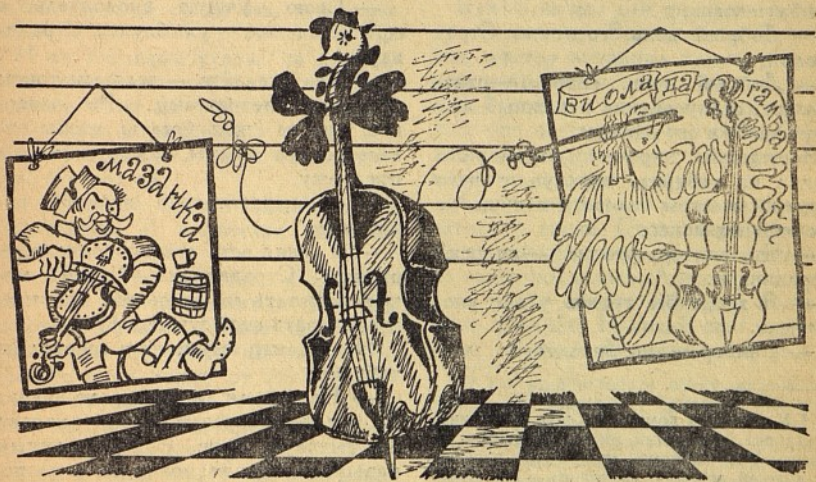
нужной пластиночке лада. А лады у всех гитар находятся на строго определённом месте. Вот и звучат все ноты совершенно одинаково. Так было и у виол. И все виолы в оркестре звучали, как говорят музыканты, чисто.

А вот второе слово в защиту виол. Не знаю, коллеги скрипки, как скрипачи, но виолончелисты позаимствовали у виолончистов очень много всяких приёмов игры. Ведь виолончели, как и виолы, сейчас держат «да гамба» — у ноги...

— Должна признаться, — сказала Итальянская Скрипка, — что и скрипачи не могут не вспоминать «виоль д'амур», хотя, конечно, обыкновенная «мазанка» научила их большому.

— А вот и третье слово в защиту виол, — продолжала Виолончель. — Сегодня виолы после двухсот лет молчания вновь зазвучали. И теперь никаких столкновений с семейством скрипичным у них не будет. Взаимоотношения между инструментами зависят от взаимоотношений тех, кто на них играет. Не мы виноваты в нашей прежней размолвке. Так давайте забудем о ней. Пусть ею занимаются историки, а не музыканты.

Тут все инструменты радостно зашумели. Они, конечно, любили согласие, гармонию. Одна из скрипок вспомнила, что великие скрипичные

мастера, совершенствуя скрипку, очень внимательно изучали строение виолы, и это им помогло в их искусстве.

— Я думаю, коллеги, — прогудел Орган, — что настало время вспомнить о замечательных скрипичных мастерах. Страдивари! Гварнери! Амати! Какие великие художники!

— Но почему «скрипичные мастера»? — удивлённо заметила Виолончель. — И Страдивари, и Гварнери, и Амати делали не только скрипки.

И вообще история скрипки — это и наша история. Как вы думаете, кто создал контрабас?.. Не знаете. А ведь его построил знаменитый «скрипичный» мастер из Кремоны Андреа Амати. И я своим рождением обязана великому кремонцу Антонио Страдивари. Причём дважды...

— Как это?! Расскажите... — зашумели инструменты.

— Пожалуй, рассказать об этом стоит.

РАССКАЗ

Страдивари осторожно тронул пальцем блестящее лезвие малюсенького рубаночка и подошёл к верстаку. В фигурных колодках была зажата нижняя дека* будущего инструмента. Мастер сделал пару к другой скрипке. Обе они должны были входить в состав квартета. Альт и виолончель уже давно дожидались рождения своих сестёр-близнецов. Мастер проверил толщину деки, зажатой в тиски, склонился над ней и снял рубанком тончайшую стружку.

Хлопнула дверь, и в мастерскую вошёл человек.

— Добрый день, господин Страдивари.

— Добрый день, синьор, — ответил тот, сразу оценив и важный вид вошедшего и его одежду.

Вошедший, впрочем, размашисто уселся на табурет, смахнув с него стружки жестом человека отнюдь не утончённых манер.

— Что синьору угодно? — спросил Страдивари.

— Я хотел бы купить у вас виолончель.

— Синьор — виолончелист?

* У каждого дома есть пол и крыша. И скрипка, как домик, имеет «стенки» — их называют обечайками, «пол» — его называют нижней декой, и «потолок» — его называют верхней декой.

— Да-да, — чуть быстрее, чем следовало, ответил неизвестный.

— Синьор — артист или играет для души?

— Я вижу, у вас ко мне вопросов больше, чем у меня к вам! — воскликнул неизвестный.

— Я вас слушаю, — смутился Страдивари.

— Недавно мне попался инструмент вашей работы. Вы скоро станете знаменитостью.

— Благодарю вас.

— Так вот я хотел бы купить у вас вашу лучшую виолончель.

— Свою лучшую виолончель я ещё не сделал, — улыбнулся Страдивари.

— Так сделайте, — деловым тоном предложил незнакомец. — Вы, наверное, ещё не столь богаты, чтобы отказать от суммы, которую я вам предложу.

И он выразительно звякнул кошельком.

— У меня есть две виолончели, — ответил Страдивари. — Синьор может испытать их здесь же, при мне, и высказать своё суждение.

Незнакомец смутился и заёрзал на табурете.

— Видите ли, я давно не играл и... и у меня порезан палец, — заявил он, вытянув руку с перевязанным пальцем. — Вы не могли бы сами поиграть на ваших инструментах?

Страдивари насторожился. У незнакомца был порезан палец правой руки. Это не могло ему серьёзно мешать. «Почему он не хочет играть? — мелькнула мысль. — А может, просто не умеет?»

Страдивари вышел в кладовую за инструментами. Когда он вернулся, незнакомец стоял у верстака и очень внимательно разглядывал чертёж одной из скрипичных дек. На шаг Страдивари он резко обернулся и отошёл от верстака.

— Вот, синьор, мои виолончели, — сказал Страдивари, не обратив внимания на любопытство гостя. — Прошу прощения за невысокое умение игры на этом благородном инструменте. Но я тешу себя мыслью, что я настолько же хороший мастер, насколько скверный виолончелист.

И, взяв смычок, он стал играть. Сначала нечто неторопливое, затем подвижное. Показав один инструмент, Страдивари взял другой. Поиграл на нём.

— Первый, — коротко произнёс незнакомец.

— Кое-что он понимает, — подумал мастер. — Хотя, может быть, это случайность».

Незнакомец между тем обвёл взглядом мастерскую и сказал:

— Инструмент хороший, но я хотел бы убедиться, что он действительно лучший среди тех, что у вас есть.

И он взглядом указал на виолончель, которая стояла в углу. Эта виолончель была из квартета, который заканчивал Страдивари.

— Инструмент не продаётся, — сухо ответил он.

— В таком случае остальные не покупаются, — отозвался незнакомец.

— Синьор, — заметил Страдивари, — эта виолончель входит в состав квартета. Продать только один инструмент из квартета — всё равно что продать одну ножку от стула, а потом пытаться сесть на этот стул. Если вы согласитесь приобрести вместе с виолончелью ещё две скрипки и альт, я готов отдать вам весь квартет.

— А почему вы считаете, что эти четыре инструмента — квартет?

— Видите ли, я добивался того, чтобы тембр* этих инструментов был единым, чтобы они дополняли друг друга.

Глаза незнакомца заблестели.

— Как вы этого добивались?

— Вы, наверное, хотели спросить, сколько это стоит, — сдерживая раздражение, ответил Страдивари. «Ну и покупательная бог послал, — подумал он. — За это время можно было бы дом сторговать».

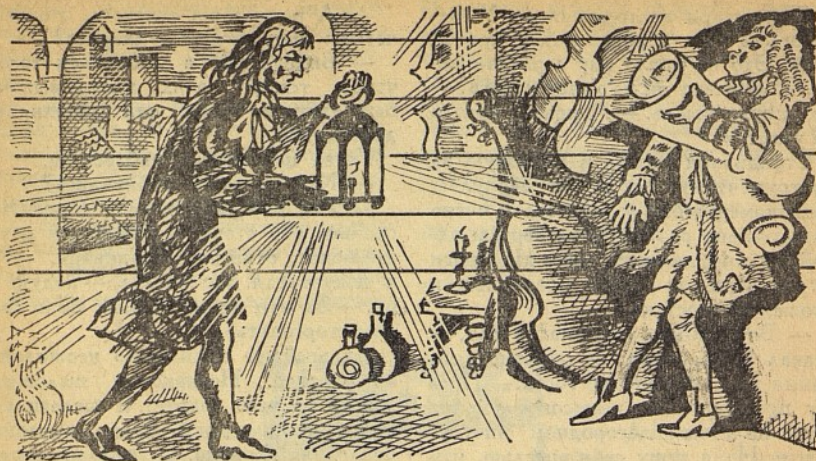
Дальнейшее произошло неожиданно быстро. Незнакомец выложил деньги за весь квартет и согласился зайти за ним, когда будет доделана последняя скрипка. С тяжёлым сердцем отдавал инструменты мастер. Не нравился ему, ох, не нравился этот покупатель. Скорее всего, он какой-нибудь коллекционер. Ей-богу, лучше продать инструмент вдвое дешевле музыканту, чтобы инструмент звучал, жил. А коллекция — мёртвое дело. Скрипка, которая не звучит для людей, не стоит дерева, затраченного на неё...

Прошло несколько месяцев. Страдивари увлечённо работал, всё реже вспоминая о незнакомце и своём квартете. Он и вовсе позабыл бы о них, если бы не новая встреча со старанным покупателем.

Как-то ночью сон долго не приходил к мастеру. Ворочаясь с боку на бок, мастер вспомнил вдруг, что забыл закрыть бутылку с лаком, в который добавил можжевельной смолы. Лак мог застыть. Браня себя, Страдивари накинул халат и с фонарём направился в мастерскую.

Ключ упорно не хотел поворачиваться в замке. Страдивари ожесточённо рванул дверь, и дверь внезапно легко поддалась. Антонио метнулся в проём двери, освещая мастерскую фонарём. Неяркий свет ошупал углы комнаты. В одном из углов,

* Вы узнаете голоса своих друзей по особой их окраске: у каждого человека свой неповторимый голос. Если музыкальные инструменты станут вашими друзьями, вы тоже сможете отличить не только скрипку от кларнета, но и голоса двух разных скрипок. Тембр — это окраска звука.

прижавшись к стене, стоял человек. Пятно от фонаря поползло от ног к лицу человека.

— А-а, добрый вечер, синьор «виолончелист», — медленно произнёс мастер, узнавая старого знакомого.

Тот вышел из угла и тяжело опустился на табуретку. В руках у него были рулоны чертежей, принадлежащих Страдивари.

— Извольте объясниться, сударь, — строго сказал хозяин.

«Виолончелист» помолчал.

— Моё имя Доменико Саккини, — начал он тихо. — Я, видите ли, как и вы, музыкальный мастер. Я богат и мог бы всю жизнь прожить в довольстве. Но... Понимаете, Страдивари, я тщеславен и самолюбив. Пробовал заниматься разными искусствами, но всё неудачно. Когда-то я был прекрасным мебельщиком-коаснодеревцем и нажил большой капитал. Я платил за уроки живописи бог знает сколько, но я не чувствую цвета. Художника из меня не вышло. Я брал уроки игры на виоле и виолончели, но, получая большие деньги за уроки, мои учителя презирали меня за немusыкальность. Изящная словесность — это, увы, тоже не мой удел. И тогда я решил добиться славы скрипичного мастера. С деревом я имел дело. Рука у меня верная. Вырезать детали нужной формы и склеить их было несложно. Господи,

сколько дерева я извёл на скрипки, альты, виолончели! Но, видимо, нужно знать какой-то секрет. Вы знаете его... Нет-нет, не притворяйтесь!.. Дайте мне ваши чертежи!..

— Послушайте, Саккини, — перебил его Страдивари, — почему вы решили купить у меня виолончель, а не скрипку? Вы даже, помнится, купили ради этой виолончели целый квартет.

— Я слышал, как звучат ваши замечательные инструменты, Страдивари, и решил сделать точную копию одного из них. Я выбрал виолончель, потому что на большом инструменте ошибка в размерах не сказалась бы столь грубо на его звуке...

Тут Саккини остановился, потому что Страдивари, уронив фонарь на верстак, расхохотался так громко, что задрожали струны на многочисленных скрипках, висевших по стенам.

— Скажите, — спросил он, успокоившись, — если бы вы сделали точную копию с картины Рафаэля, вы считали бы себя великим художником?

— Нет, конечно. У каждого художника и мастера должен быть свой секрет.

— Секрет! — с насмешкой воскликнул Страдивари. — По-вашему, самое главное — секрет. У хорошего мастера — как делать хорошие инструменты, а у плохого, значит, — как де-

лать плохие? Ха-ха! Вот в чём секрет, — он постучал себя пальцем по лбу. — И вот в чём, — добавил он, протянув к Саккини руки с многочисленными шрамами и порезами. — Ну что можно скрыть от взгляда понимающего человека? Поди-ка скрой, какой материал берёшь на изготовление, скажем, корпуса скрипки. Да любой младенец в Кремоне знает, что для верхней деки нет ничего лучше равнослойной ели, а для нижней — явора. Размеры? Измеряйте сколько хотите. Лаки, смолы? Чушь! Ну сколько есть разных составов для покрытия и пропитки скрипки? Десять! Двадцать!! Сто, наконец!!! А я сделал уже больше двухсот скрипок, альтов и виолончелей. Если бы каждый мастер так работал и всё время испытывал бы новые способы, то хотя бы единожды наткнулся бы на удачу. Но где же эти удачи? Мастеров сотни, а настоящих мастеров единицы. Вы хотите, чтобы ваши инструменты звучали вообще хорошо, я же знаю, чего нужно добиваться от каждой скрипки, от каждого куска дерева. А уж как добиться — есть множество возможностей. Нравится вам эта скрипка... Да? А мне нет. В маленькой мастерской она звучит, а в большом зале звук её быстро угаснет.

— А как... добиться?... — нерешительно спросил Саккини.

— И это не секрет. Соображать нужно. Какая струна звучит ярче, громче, — та, что натянута, или та, которая приспущена... Конечно, та, что натянута. Чем больше струна напряжена, тем ярче звук. Но нельзя и перенапрячь — лопнет. А скрипка — та же струна. Если она будет напряжена, как мускулы дискобола, в звуке будет много силы.

— А как?..

— Не хватит ли вопросов, госпо-

дин неудачник! Языком скрипку не построишь. И я... я хочу спать.

— Да-да, я сейчас уйду, — поспешно сказал Саккини. — Но разрешите мне ещё зайти к вам. Дело в том, что, делая копию вашей виолончели, я разобрал её.

— Зачем?! — вскричал Страдивари. — Зачем вы погубили инструмент?

— Но ведь все части его целы.

— Эх, Саккини, — вздохнул Страдивари. — Неужели вы не понимаете? Тысяча звуков — это ещё не соната. Десяток деталей — это ещё не инструмент. Принесите мне завтра виолончель, которую я построил, а вы поломали. Попробую привести её в порядок. И постарайтесь в будущем делать свои, а не мои скрипки и виолончели.

Вот так и получилось, что я родилась дважды, — закончила Виолончель. — После вторичной встречи с великим мастером я зазвучала ещё лучше.

— Так это вы о себе рассказывали, — зашумели инструменты. — Завидная судьба — быть созданием великого мастера.

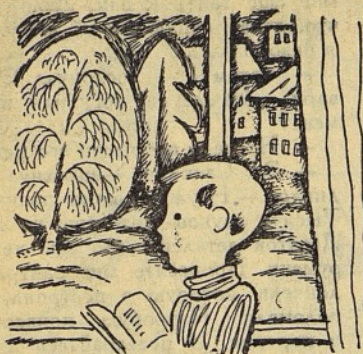
— А я вот слушала эту историю, — сказала Итальянская Скрипка, и вспомнила о другом «секрете», который до сих пор будоражит умы музыкантов. Правда, на этот раз речь идёт о музыкантах-исполнителях. Вы ничего не слышали о «секрете Паганини»?

— Конечно!.. Столько разговоров!.. Его до сих пор не разгадали? — загомонили инструменты.

— Не разгадали? — переспросила Итальянская Скрипка. — Я убеждена, что...

— Простите, коллега, — перебил её Орган. — Боюсь, что нам придётся отложить разговор до следующего раза. Я слышу шаги. Скоро начнётся репетиция оркестра.

А. ШИБАЕВ

Не выучил

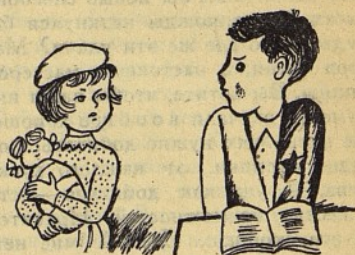
Из-за маленькой сестрицы
Я не выучил частицы.
Мне запомнилась вполне
Лишь одна частица «НЕ»...

- Замолчи!
- Не замолчу!
- Слезь со стула!
- Не хочу.
- Упадёшь!
- Не упаду.
- Отойди!
- Не отойду!

Нет предлога

Чудесный выдался денёк,
А я учу предлоги...
Я должен выучить урок:
У нас учитель строгий!
И я гляжу на потолок,
И я твержу предлоги:
«ПРИ» — предлог,
«ПРО» — предлог,
«ЗА» и «ПО» — предлоги.
А хорошо бы —
ЗА порог,
И — мчаться
ПО дороге!..
Какой бы выдумать предлог,
Чтоб не учить предлоги?

Предложения бывают:

1. ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ

Сейчас, когда приду домой,
Произнесёт их мама:
«Ты дрался, да?»
Ты что — немой?..
Ну что молчишь упрямо?»

2. ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ

Повествовать придётся мне,
И я скажу:
«Не дрался, не.
Свалился с дерева, и вот...»

3. ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЕ

Тут папа в комнату войдёт,
Войдёт и скажет:
«Лоботряс!
Я проучу тебя сейчас!..»

Перелистай календарь!

Знаешь ли ты, сколько всего марок и памятных блоков издала наша советская почта? В день, когда этот рассказ сдавался в печать, их было уже около 3800. Начнёшь листать альбом с почтовыми марками — и перед глазами, как в захватывающем кинофильме, потянется бесконечная лента миниатюр всевозможных цветов с тысячами портретов знаменитых людей, репродукциями картин, замечательными зданиями, редкими представителями звериного царства, спортивными состязаниями, новыми городами, кораблями, самолётами...

Ты — хозяин такого альбома, и, может быть, не одного. Представляешь ли ты себе, какое это богатство? Марки твоего альбома — это не просто мёртвые, неподвижные, красивые картинки. Если ты захочешь, эти маленькие зубчатые прямоугольники, квадратики, треугольнички могут стать живыми, интересными рассказчиками.

Каждый месяц, например, ты можешь устраивать необыкновенно красочную, увлекательную выставку своих марок. А лучше всего будет, если все юные филателисты твоего класса объединятся и устроят её совместно.

Какую выставку? Вот мы сейчас и побеседуем с тобой на эту тему. Возьмём в руки самый обыкновенный отрывной календарь. Нынче какой месяц? Март! Вот и давай один за другим проследим за всеми листочками мартовского календаря. Как правило, на этих листиках обязательно отмечается какая-нибудь памятная дата.

Если ты хорошо знаешь, какие марки собраны в твоём альбоме, то убедишься, что на многие из них откликаются листочки календаря. Давай проверим. Начнём листать мартовский календарь.

3 МАРТА. 25 лет назад учреждены ордена Ушакова и Нахимова. Выпущены ли миниатюры с такими правительственными наградами?

Ещё шла война, когда такие марки появились в продаже. Знаменитых русских военных флотоводцев Ушакова и Нахимова ты, наверное, знаешь. Они прославились многими морскими победами.

В память об этих славных сынах России и были учреждены ордена. Награждали ими только моряков и только высший командный состав: командующих флотами, эскадрами, командиров линейных кораблей. Но были учреждены также медали Ушакова и Нахимова. За боевые подвиги ими награждались офицеры и матросы.

5 МАРТА. 40 лет назад на ленинградском заводе «Красный выборжец» был заключён первый в стране договор на социалистическое соревнование. Коллектив этого завода обратился с призывом организовать социалистическое соревнование на всех предприятиях: работать лучше, выпускать изделия высокого качества, экономить материалы! Почин красновыборжцев был подхвачен и колхозниками, учёными, спортсменами и даже школьниками.

Пересмотри внимательно марки, на которых изображены различные заводы и фабрики, и тут ты найдёшь миниатюру, посвящённую столетию «Красного выборжца». На переднем плане изображён монумент Ильичу на фоне прославленного завода. Мастера-красновыборжцы отлили и известный памятник Ленину,

который высится на берегу Невы, неподалёку от Финляндского вокзала.

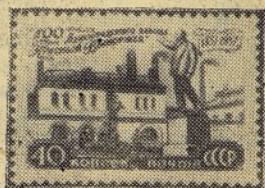
5 МАРТА. 55 лет назад погиб русский полярник Георгий Седов. Есть у тебя и такая марка, изданная в 1952 году к 75-летию со дня рождения отважного путешественника. На миниатюре — портрет Седова на фоне арктических льдов. Царское правительство ничем не помогло ему, отправившемуся на деревянном корабле «Святой Фока» к Северному полюсу. Экспедиция зазимовала на одном из островов Земли Франца Иосифа. Посмотри на карту, и ты увидишь, как далеко забралась русские полярники. Седов тяжело заболел, но и это не остановило его. С двумя верными матросами он покинул зимовку и двинулся на собачьей упряжке к полюсу. Идти он не мог. Его везли на нартах. Силы таяли, но ни за что не хотел Седов повернуть назад. Через несколько дней он умер. Матросы похоронили его в ледяной могиле. И повернули назад. Лишь любимый полярный пёс Седова так и остался у могилы хозяина.

7 МАРТА. 75 лет назад родился Сергей Лазо. Об этом легендарном герое гражданской войны написаны книги, поэмы, сложены песни. Дважды на почтовых марках (в 1944 и 1948 годах) воспроизводился портрет пламенного борца революции.

8 МАРТА. Международный женский день. На эту тему ты можешь подобрать в своем альбоме не одну, а десятки марок. Тут и женщины-лётчицы, участницы исторических перелётов, и героини Великой Отечественной войны, такие, как Зоя Космодемьянская, Вера Хоружая, Мария Поливанова, Наталья Ковшова, и женщины-художники, учёные, комбайнёры.

10 МАРТА. 40 лет назад начали строить город Магнитогорск — один из первых городов, появившихся за годы Советской власти на карте нашей Родины. Уже в 1932 году он появился на марке, изданной в серии «15-летию Великой Октябрьской

социалистической революции». К 25-летию Магнитогорска снова была издана памятная миниатюра. Вглядишься хорошенько в эту марку. Много она может рассказать тебе и твоим товарищам. В овале ты видишь улицу большого современного города. А ведь 40 лет назад на этом месте среди голой степи стоял двухосный товарный вагон, на котором мелом большими буквами было написано: «Станция Магнитогорск».

Сюда, к этому историческому вагончику, один за другим приходили комсомольские эшелоны, и тысячи юношей и девушек с котомками за плечами, с жестяными чайниками, выгрузившись, уходили к горе Магнитной. Посмотри на марку, и слева ты увидишь историческую первую комсомольскую домну.

16 МАРТА. Сто десять лет назад родился знаменитый изобретатель радио Александр Степанович Попов. Марок с портретами нашего великого земляка издано много. Они появились в обращении в 1925, 1945, 1949-м и в других годах. На почтовых миниатюрах воспроизведены не только портреты Попова, но и первый построенный им радиоприёмник. Есть и миниатюра с изображением старинного дома на углу улицы Союза связи и переулка Подбельского в Ленинграде. В этом доме находят-

ся богатейшие экспонаты Центрального музея связи, носящего имя Александра Степановича Попова. В особой комнате со стальными дверями хранится одна из самых больших в мире — Государственная коллекция марок всех стран земного шара. Коллекция за все годы, начиная с 1840 года, когда появился в Лондоне «Чёрный пенни» — самая первая почтовая миниатюра. В музее выставлены стенды со всеми марками, изданными советской почтой.

17 МАРТА. Сто лет назад великий русский учёный Дмитрий Иванович Менделеев открыл периодический закон химических элементов. Тем из вас, кто уже изучает химию, вероятно, не раз приходилось встречаться с названием «Таблица Менделеева». Закон, открытый Менделеевым, имеет огромное значение не только для развития химии, но и многих других наук.

Миниатюры с портретами знаменитого учёного издавались много раз не только в нашей стране, но и за рубежом. А есть ли на марках сама «Таблица Менделеева»? Есть! В серии, посвящённой столетию со дня рождения Д. И. Менделеева. На миниатюре изображён памятник великому химику на фоне «Таблицы Менделеева». Старейший художник марок В. В. Завьялов создавал миниатюру по фотографии. Таблица не

пририсована, она действительно укреплена на стене здания во дворе бывшей Главной палаты мер и весов, ныне Всесоюзного научно-исследовательского института метрологии на Московском проспекте в Ленинграде. У вас должен возникнуть вопрос: а почему именно здесь поставили памятник Менделееву на фоне огромной каменной «Таблицы»?

Дмитрий Иванович Менделеев был разносторонним учёным. Он обогатил человеческие знания в области химии и многих других наук. Это по его инициативе вместо бывшего Депо мер и весов была организована Главная палата мер и весов. Тут же рядом с Главной палатой находился и дом, где жил учёный. Если вы хотите увидеть памятник Менделееву и «Таблицу» юбилера, — вот вам точный адрес: Московский проспект, дом № 19.

18 МАРТА. Сто двадцать пять лет назад родился выдающийся русский композитор Николай Андреевич Римский-Корсаков.

Марки в честь этого прекрасного музыканта издавались у нас дважды: в 1944 и в 1958 годах. Даже в тяжёлую годину войны народ не забыл и торжественно отметил столетие со дня рождения своего славного сына.

18 МАРТА. Двадцать пять лет назад фашисты убили вождя германских трудящихся Эрнста Тельмана.

Памяти Эрнста Тельмана посвящено много марок в ГДР. В 1966 году вышла такая миниатюра и в Советском Союзе. Почта ГДР выпустила марку с памятником вождю германских коммунистов. Этот памятник высится, однако, не на немецкой, а на советской земле. Ребята из города Пушкина он хорошо знаком.

30 МАРТА. Всемирно известному советскому авиаконструктору Сергею Владимировичу Ильюшину исполняется 75 лет. Юные коллекционеры, собирающие марки на тему «Авиация», знают, как много миниатюр посвящено самолётам знаменитого конструктора. Около двенадцати лет назад поступила в обращение

серия, запечатлевшая крылатые машины нашего воздушного флота. На одном из почтовых знаков и был изображен самолёт Ильюшина — ИЛ-18. В те годы он только начинал бороздить пространства голубого океана. Теперь же этот самолёт хорошо известен едва ли не всем странам нашей планеты. В Венгрии несколько лет назад вышла большая серия «Воздушная почта». На всех тринадцати марках изображён прославившийся ИЛ-18. На каждой миниатюре показана столица какого-либо государства: Хельсинки и Каир, Лондон и Париж, Прага и Бейрут, а в небе над ними летит наш ИЛ-18.

* * *

Вот и перелистали мы с тобой странички мартовского календаря. Там есть много и других дат, но мы задержались на примечательных. И почти на все откликается твой альбом, твоя богатая энциклопедия, насыщенная всевозможными почтовыми миниатюрами.

Одолжи на время у своего альбома все те марки, о которых мы рассказывали здесь. На нескольких листах аккуратно приклей в порядке «день за днём» все эти миниатюры. Над всеми листами сделай аккуратную надпись: «Март 1969 г. в филателии». Выставка готова. Покажи её всем одноклассникам. Можно выставить коллекцию и в других классах. Интересующимся давай нужные разъяснения. Как много нового они почерпнут от такой выставки и твоего рассказа!

Но март я взял для примера. А как же быть в апреле, мае и в других месяцах? В том-то и состоит главная задача филателии, чтобы ты, листая календарь, сам научился находить нужные марки, сам бы находил подробности к памятным датам, к изображениям на почтовых миниатюрах. Сам!

Попробуй в апреле самостоятельно подготовить по листкам календаря такую выставку.

Э. МИРОНОВ

КТО СКАЗАЛ ЧТО ЭТО СКАЗКА?

По главной улице главного города одной республики шли мальчик и девочка. Если хотите познакомиться — Юргис и Марите.

В конце главной улицы они остановились перед зданием тоже, наверное, главным. Здание было с большими окнами, красивыми подъездами и очень напоминало дворец.

— Кто тут живёт? — спросил Юргис у прохожего.

— О! — поднял палец прохожий. — Здесь обитают жильцы в разноцветных переплётках. Этот дом построен специально для книг.

И хотя Юргис и Марите ещё не умели читать, они всё-таки толкнули массивную дверь.

Ну и в необычный же дом они попали!.. На стенах светились картины из разноцветного стекла — витражи. Широкая лестница из белого камня, застелённая ярким ковром, вела в просторные залы. А в залах — столы, столы, столы. И много взрослых людей, склонившихся над книгами. В каждом зале свои книги: в одном — книги по астрономии, в другом — по истории, в третьем — по ботанике.

Юргис стал считать залы, загигать пальцы. Но вскоре пальцев не хватило и пришлось занимать у Марите. Только два пальца остались не загнутыми.

— Эх, если бы мы умели читать! — грустно вздохнула Марите.

— Не стоит печалиться, — сказал, подойдя к ребятам, один из взрослых. — У нас есть книги для грамотных и для неграмотных. Видите вон ту дверь? Идите туда. Там живут сказки, а читаются они... сами.

Очень удивились Юргис и Марите, но всё же пошли в «комнату сказок». Здесь не было ни полок с книгами, ни столов. На полу стоял огромный синий сундук, разрисованный красными цветами и птицами. Так вот где лежат сказки! Но для чего же тогда тяжелый висячий замок?

Не успели ребята найти ответ на этот вопрос, как перед ними появился бородатый человек в большой меховой шапке.

— Я — сказочник! — поклонился он. — Здравствуйте! Вы, конечно, хотите услышать сказку? Тогда слушайте.

Что и говорить, это была замечательная сказка! Но, согласитесь, что увидеть сказку ещё интереснее, чем услышать. И, конечно, сказочник знал это, ибо он тут же взял за руку Юргиса, и взял за руку Марите, и повёл их в небольшой зрительный зал.

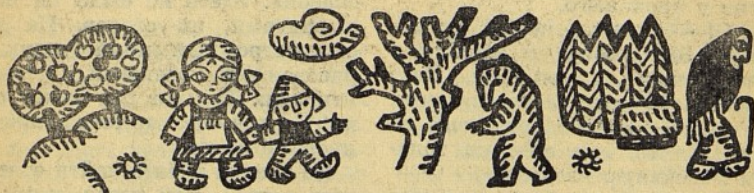
Стульев в зале не было. Вместо них на полу лежало много поду-

печек с нарисованными котами, рыбами, зайцами, собаками. Догадались? Правильно. Подушечки заменяли стулья, а коты, рыбы, зайцы и прочие — номера этих стульев. Ведь зрители-то сюда заходят неграмотные!.. А с рисунками они быстро разберутся — кому на какую подушечку садиться.

Заиграла музыка, и над сценой вошло солнце. Засверкали на потолке звёзды. В глубине зала раздвинулись ворота волшебного театра, и... началось представление кукольного театра.

На сцену вышел мальчик с горошек, поздоровался с ребятами, а вслед за ним появились ёж и ежиха, медведь, лиса, серый волк... Началась сказка!

В тот вечер Юргис и Марите вернулись домой поздно и сразу легли спать. А когда они проснулись утром, оказалось, что дома никого нет: папа ушёл на работу, а мама — в магазин.

— Скучно... — чуть не заплакала Марите. — Я хочу сказку...

— Пусть будет по-твоему, — отозвался Юргис. — Я сейчас позову сказочника.

— Хвастаешься! — не поверила Марите.

И тогда Юргис подошёл к телефону, набрал номер, и в трубке послышался голос сказочника.

...На пустынном берегу Балтийского моря жила необыкновенная девушка по имени Неринга: высокая, как сосна, сильная, добрая, с красивыми золотистыми косами. Когда море встречало рыбаков непогодой, Неринга останавливала

ветер, успокаивала бурю, и рыбацкие суда с уловом благополучно возвращались домой. А чтобы рыбаки могли безопасно плавать в Немане, Неринга отгородила устье реки от набегов свирепой Балтики. Своими девичьими руками она набросала в воду столько камней и песка, что со дна поднялся надёжный заслон разбушевавшимся волнам. В знак благодарности рыбаки называли этот вал — Неринга.

— Ещё! Ещё! — закричала Марите, когда сказка кончилась.

Юргис опять набрал волшебный номер, и трубка рассказала другую сказку, о девочке, такой маленькой, что она укладывалась спать в ореховую скорлупу, постелив тюфячок из нежных фиалок, и укры-

валась вместо одеяла лепестком розы.

Только после десятой сказки ребята почувствовали, что сильно проголодались и давно пора завтракать. Они вышли на улицу, прошли совсем немного и увидели... гнома. Он пристроился на стене над дверью и, широко раскинув руки, как бы приглашал всех-всех ребят: «Заходите, угощу!»

За витриной кафе росло пышное дерево, на ветвях которого резвились 12 австралийских попугаев — голубых, красных, розовых, жёлтых, зелёных. В соседнем окне был другой лес — северный. И жили в нём белка с бельчонком. В третьей витрине кафе тоже были выставлены не пироги и не кексы — в нём плавали на глади бассейна утки, скакали лягушки. Просто невозможно было отойти от этих вит-

рин! Но гном приглашал зайти внутрь и даже держал наготове фонарь: на случай, если на улице стемнеет.

Юргис и Марите приняли приглашение и, поверьте, не пожалели об этом. На одной стене кафе они увидели портреты героев любимых сказок. Другая стена была просто... морским дном. Мелькали в водорослях золотые рыбки, светились глазами-бусинками.

А тем, кто уже насмотрелся на рыбок, предлагалось полистать книжки с картинками, поиграть на пианино. Можно было и спеть. Или сплясать. Здесь всё разрешалось!

Стоит ли после всего этого говорить ещё о том, какие здесь вкусные пирожные, конфеты, мороженое!

Всего понемножку попробовали ребята.

— Куда мы пойдём теперь? — спросила Марите.

Юргис задумался. И неожиданно выпалил:

— Пойдём ко всем чертям!

— Ку-у-да-а?! — удивилась Марите.

— Ко всем чертям! — подтвердил Юргис. Он встал, взял Марите за руку и повёл ее на вокзал.

И ровно через полтора часа ребята оказались среди чертей.

В центре старинного города стоит уютный многоэтажный особняк. Черти занимают в нём самые просторные комнаты на третьем этаже. Хотите знать, что они тут делают? Играют на скрипке, на вио-

лончели, на дудочке, на гармонии, скачут верхом, беседуют с девушками, считают монеты, показывают друг другу языки, дразнятся, смеются, сидят, лежат, курят, веселятся, скучают...

Каких только чертей не увидели Юргис и Марите! Металлических, деревянных, каменных, керамических, глиняных, стеклянных, костяных, роговых, проволочных, перьевых, ватных! Огромных! И одного — золотого — такого маленького, что его едва можно разглядеть под лупой.

И как только удалось собрать под одной крышей столько различных чертей?!

В городе, где они теперь находятся, жил известный художник. Его произведения знали во всех уголках республики и за её пределами.

Художник не верил в бога, и потому его друг, в день рождения, подарил ему деревянного чёрта с хвостом и рогами. Подарок понравился художнику.

«Боюсь он соскучится в одиночестве, — подумал художник, — составлю ему хорошую компанию».

Стал собирать различные фигурки чертей. Собрал их 13 — «чёртову дюжину».

— Почему тринадцать? Ведь это несчастливое число? — спрашивали художника.

— Кто выдумал, что оно приносит несчастье?! Я не боюсь ни чисел, ни чертей.

На досуге художник с удовольствием разглядывал своих чёрти-

ков и продолжал расширять их компанию. Он привозил их из стран Европы и Северной Америки, где бывал в творческих поездках. В коллекции появился африканский деревянный чёрт с короткими руками, чёрт из кости с Чукотки, черти французские, польские, итальянские, испанские.

Бесчисленные друзья и почитатели таланта художника, зная его увлечение, тоже дарили ему всевозможных чертей.

— Примите чёрта в посылке, — часто обращался к художнику почтальон.

Ко дню семейного торжества собирателя друзья-художники сделали ему коллективный подарок — фарфоровый кофейный сервиз. Он состоит из 44 предметов, расписанных на «чёртовых» темы, и рассчитан не как обычно, на 12, а на 13 человек. Поэтому сервиз назвали «чёртова дюжина».

Коллекция чертей накоплялась в течение шестидесяти лет. Художнику удалось собрать не одну, а 13 «чёртовых дюжин» чертей. Даже теперь, когда художника уже нет на свете, к нему продолжают отовсюду поступать черти. Недавно их доставили из Ленинграда, Москвы, из Лондона.

Растёт число экспонатов единственного в мире музея чертей. Не иссякает поток его гостей, приезжающих со всех континентов. Юргис и Марите с трудом пробирались среди посетителей к витринам, чтобы разглядеть их забав-

ные экспонаты, возле которых никогда не умолкает смех.

ВОТ какая сказочная история произошла с Юргисом и Марите. Но самое-то главное в том, что она совсем не сказочная. В ней всё — правда. Подтвердить это вам смогут не только Юргис и Марите, но и все ребята Литовской Советской Социалистической Республики.

А если вы приедете в столицу республики город Вильнюс, то сможете и сами в этом убедиться.

Наверное, вы сразу же захотите услышать сказку по телефону. Пожалуйста! Наберите номер 925 — и слушайте. А «волшебная комната» сказок находится в республиканской библиотеке. Сказки для ребят читают и ставят в ней сами библиотекари. Сами инсценируют, сами пишут музыку, сами, спрятавшись за ширмой, водят кукол. И так у них здорово получается, что их самодеятельный театр стал победителем смотров самодеятельных кукольных театров сначала в своей республике, а потом и во всей стране. И даже на родине кукольных театров — в Чехословакии, куда выезжали артисты из «комнаты сказок».

Кафе «Гном» тоже находится неподалёку от библиотеки. А черти «живут» в городе Каунасе, в специальном музее в Доме народного литовского художника Антонаса Жмуйдзинавичюса.

Фотоиллюстрации смотри на 3-й странице обложки.

РЕКОРДЫ МУЗЫКИ

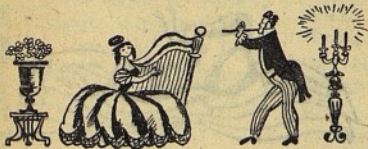
САМАЯ длинная опера в репертуаре театров — это опера выдающегося немецкого композитора Рихарда Вагнера «Парсифаль»: продолжительность спектакля составляет 4 часа 40 минут.

САМЫЙ большой по численности музыкантов оркестр собрался на национальной встрече духовых оркестров в норвежском городе Тронхейме в августе 1958 года. Число музыкантов в этом сверхгигантском оркестре превышало 12 тысяч человек.

САМАЯ древняя нотная запись обнаружена на испещрённой киммерийскими письменами глиняной дощечке, относящейся примерно к 150 году до нашей эры. Исследователи установили, что это запись целого музыкального произведения для оркестра струнных инструментов.

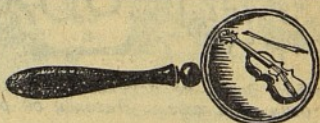
САМЫЙ большой в мире ударный музыкальный инструмент — бубен диаметром восемь с половиной метров. Его перевозят на специальной платформе мощным тягачом. Бубен-гигант принадлежит студенческому оркестру в штате Техас в США.

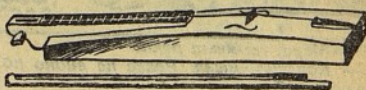
САМЫЕ старые музыкальные инструменты, которые сохранились до наших дней, — это древнеегипетские арфа и флейта. Им около шести тысяч лет.

САМАЯ большая на свете концертная труба принадлежит лондонскому музыканту Р. Снайдеру. Высота трубы — два метра, диаметр — метр. Весит она сто килограммов. Уникальную трубу сделали немецкие мастера в 1892 году для популярного в то время американского композитора Джона Сузу. В его честь трубу называли сузофон.

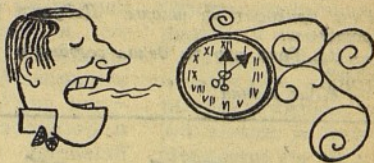
САМЫЕ необычные духовые инструменты — из стекла — были изготовлены в 1934 году датским стеклодувом Гуго Молевом по собственному рецепту, который он до сих пор держит в строжайшей тайне. На этих инструментах играет небольшая группа музыкантов в Дании. В своеобразном оркестре есть свои трубы, тромбоны, валторны и другие инструменты.

САМАЯ большая в мире фанфара, длиною в пять метров и двадцать пять сантиметров, и самая маленькая, четырёхсантиметровая, скрипка хранятся в музее музыкальных инструментов немецкого города Маркнуйрхен (Саксония).

САМОЕ меньшее количество струн среди струнных инструментов имеет латышская дига: всего одну. Тем не менее из этой струны можно извлекать больше двадцати звуков различной высоты.

САМОЕ длительное пение одной ноты было достигнуто итальянским певцом Фаринелли, сумевшим удержать её в течение шести минут.

САМЫЙ короткий национальный гимн — японский: в нем всего четыре строки. Интересно, что он является также и самым старым гимном: его текст был написан в IX веке.

САМОЕ

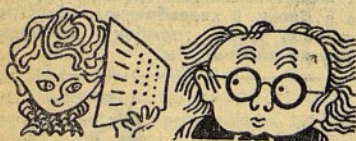
СОБРАЛ В. КОЗИЦКИЙ,

Ученик пришёл из школы...

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Как это мама догадалась, что ты не мылся?

— Я забыл смочить мыло.

Фредди долго не осмеливался показать отцу свой табель. Наконец он решился на этот шаг:

— Пожалуй, папа, я тебе сначала объясню, что означают эти буквы. «А» — это отлично. «В» — это хорошо. «С» — удовлетворительно. А «Д» — это то, что получил я.

Маленькая Мими в первый раз вернулась из школы.

— Ну, дочка, чему вас учили?

— Ничему, — вздохнула Мими, — завтра нужно опять идти.

— Мама, наша учительница не понимает, что такое лошадь.

— Как это не понимает?

— Сегодня у нас был урок рисования. Я нарисовал лошадь, а она меня спрашивает: «Что это такое?»

Томми вернулся домой после первого дня в школе.

— Ну, что тебе сказал учитель? — спрашивает отец.

— Ничего особенного: «Сиди тихо! Не вертись!»

СМЕХ ДЛЯ ВСЕХ

— Мери, ты мыла руки?

— Конечно, мыла. Разве не видно по полотенцу?

Ганс приходит из школы. Дедушка спрашивает:

— Ну, Ганс, что ты делал сегодня в школе?

— Ждал звонка.

— Мери, а где Джонни?

— Она дома. Играет на рояле в четыре руки.

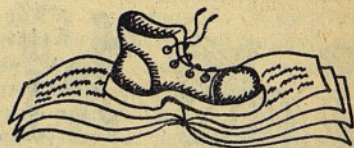
— В четыре руки? Как же она может в четыре руки одна?

— Мы играли вместе, но я уже кончила.

Ник показывает свой дневник бабушке.

— Когда я учился в школе, я всегда получал пятёрки по истории, — укоряет его дедушка. — А у тебя четвёрка. Не хорошо.

— Видишь ли, дедушка, когда ты учился в школе, история была короче.

Бобби. Мне сегодня попало от учителя.

Мама. За что?

Бобби. Резинку забыл.

Мама. Как же ты обошёлся без резинки?

Бобби. Стал стирать подошвой ботинка.

— Папочка, задача, которую ты полагал мне решать, решена неправильно.

— Неужели? Что ж, очень жаль.

— Не расстраивайся! В нашем классе все папы решили её неправильно.

ЧЕРЕПАХИ В ОПАСНОСТИ

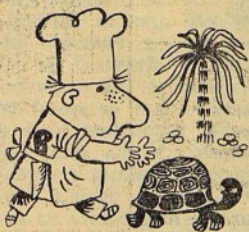
Миллионы лет на Галапагосских островах в Тихом океане спокойно жили огромные черепахи, до двух метров в длину. Казалось, ничто не угрожает их существованию. Мощный панцирь хорошо защищал их от хищников, а природа наделила долголетием. Они живут до 150 лет и более. Хотя галапагосские черепахи лишь раз в 10 лет дают потомство, на островах их было множество.

Однако в последнее время черепахи оказались в опасности. Если раньше их вкусное мясо употребляло в пищу только местное население, то теперь сотни черепах идут в консервы. Причём, уничтожаются в основном молодые

«...ДЕЛО САМИХ УТОПАЮЩИХ»

На берегу одного из глубоководных прудов в Шлезвиг-Гольштейне (ФРГ) поставлен столб, на котором висит спасательный круг. К столбу прикреплена табличка со следующей надписью:

«Внимание! Спасательным кругом могут пользоваться только утопающие».

черепахи и самки, мясо которых отличается наилучшим вкусом.

Если черепахи Галапагосских островов не будут взяты под защиту, то в скором времени они перестанут существовать.

ТРУБКОВУБ

Странное это животное. На нашей планете другого такого не встретишь. Зубы его не покрыты эмалью и состоят из нескольких параллельных трубок. Уши напоминают ослиные, а покрытое щетиной туловище и продолговатая голова с круглым, тупым рылом делают его сходным со свиньей.

Трубказуб часто высовывает изо рта тонкий язык, суживающийся кончик которого свёрнут в

БАЛЕНКИ ДЛЯ... СЛОНА

В Уфе (Башкирия) открылся новый цирк. За четыре дня до открытия туда вместе с другими дрессированными животными Терезы Дуровой была благополучно доставлена и слониха Катрин. Но как перевезти слониху с вокзала в цирк? Нежная Катрин не любит холода и не привыкла ходить по снегу, а крытых грузовиков, пригодных для перевозки слонов, в городе не оказалось.

Было решено для Катрин срочно изготовить... валенки. Нашлись среди уфимских обувщиков мастера, которые взяли за необычный заказ и успешно его выполнили.

колечки, словно часовая пружина. Он умело пользуется им, отыскивая любимую пищу — муравьёв и термитов.

Трубокозубы строят себе «дома», прорывая туннели до 2,5 метра и более. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, они выкапывают нору быстрее, чем если бы это делали несколько человек лопатами.

В настоящее время эти редкие животные встречаются только в Африке, к югу от Эфиопии.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

...там, где сейчас Берингов пролив, когда-то была суша? Оказывается, лишь около 10—12 тысяч лет назад земля постепенно погружилась в море, океаны соединились, и образовался Берингов пролив. О том, что на его месте существовала суша, напоминают скалистые острова Ратманова, Крузенштерна, Святого Лаврентия. Советские учёные ведут археологические раскопки на побережье пролива, изучая древнюю культуру эскимосов.

★
...республика Азербайджан славится деревьями-долгожителями? Самым древним из них является 1500-летний платан, растущий в селе Келаире возле Кировабада. Ещё во времена монгольского нашествия ему уже было около 800 лет. Несмотря на столь преклонный возраст, лесной патриарх ещё могуч и крепок. В тени его густой кроны свободно может укрыться целый автопарк.

★
...в картографическом отделе книгохранилища Немецкой государственной библиотеки (ГДР) хранится самый большой в мире атлас, изданный в 1666 году? Его размеры 170×102 сантиметра. Вес — 125 килограммов.

★
...на месте посёлка Сан-типонсе, одного из пригородов Севильи (Испания), обнаружен один из крупнейших городов Римской империи — Италика? Он насчитывал до 150 тысяч жителей и был разрушен во время нашествия готов и мавров. Чтобы дать возможность учёным произвести раскопки, посёлок Сан-типонсе переводится на новое место.

★
...единственный в мире музей соли открыт в Величке, около Кракова (Польша)? Музей находится под землёй на глубине 135 метров.

★
...вождь восставших рабов в Древнем Риме Спартак родился в юго-западной Болгарии, в окрестностях города Сандански? Здесь сооружается парк, где будет установлен памятник Спартаку.

★
...на берег озера «Возвращённого меча» в Ханэе (ДРВ) выползла черепаха длиной полтора метра? Гигантские черепахи редко поднимаются на поверхность. Старожилы Ханоя утверждают, что её видели ещё в прошлом веке.

★
...в Голландии на трассе Роттердам — Мидделбург построен один из самых длинных в Европе мостов? Длина моста, строительство которого продолжалось два с половиной года, более пяти километров.

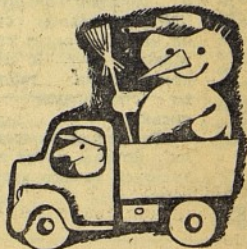
★
...один из самых редких минералов на земле — цириловит обнаружен в пустыне Кзылкумы? Этот железисто-фосфатный минерал впервые был открыт чехословацкими геологами в 1949 году. Затем его на-

шли бразильские учёные. Кзылкумская находка — третья в мире.

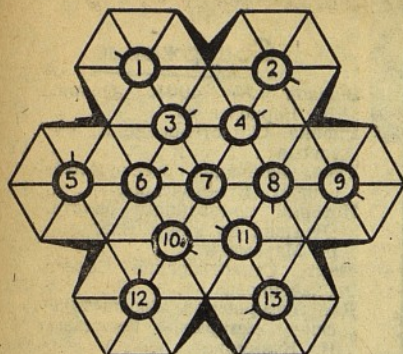
★
...учёные Института ботаники Академии наук Украины вырастили арбузы... без семечек? Такие плоды уже несколько лет выращиваются на опытных участках института и отличаются высокими вкусовыми качествами. Учёные передали новые сорта арбузов для разведения в колхозах и совхозах республики.

★
...в Италии насчитывается около 5 тысяч средневековых замков? Только полторы сотни из них превращены в музеи. Остальные обречены на гибель. Причина — в частной собственности. Владельцы замков должны за свой счёт заботиться об их сохранении. Однако многие из них не хотят тратить деньги или не имеют их.

★
...наш город — один из самых снежных в мире? Устойчивый снежный покров держится в городе на Неве с 5 декабря по 31 марта. Если бы снег регулярно не убирался, то толщина его достигла бы к весне двух-трех метров. 1600 грузовиков вывозят за зиму на расстояние в среднем до шести километров 4 миллиона тонн снега!

КРОССВОРД

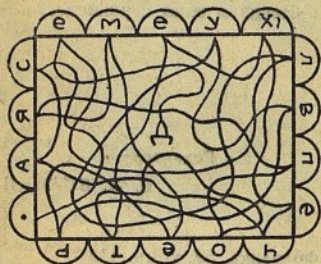

Все слова этого кроссворда из шести букв. Каждое слово читается вокруг своей цифры по часовой стрелке, начиная с клетки, отмеченной «указкой».

1. Минерал, являющийся сырьём при изготовлении суперфосфата. 2. Фото. 3. Деталь микрофона. 4. Выдающийся азербайджанский поэт и мыслитель. 5. Русский писатель. 6. Метательное орудие для охоты на морского зверя. 7. Периодическое издание. 8. Материал, добываемый при обработке каучука. 9. Горная порода. 10. Древнегреческий философ. 11. Сосуд для сохранения содержимого в горячем состоянии. 12. Травянистое степное растение. 13. Прибор для ориентирования на местности.

ПУТАНИЦА

Составила Надя ВАСИЛЬЧЕНКО

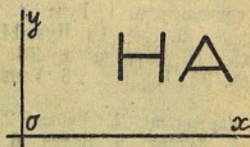
Разберитесь в этой путанице — здесь зашифрована какая-то пословица...

Отдел ведёт Вадим Аментьев

ХИТРЫЙ РЕБУС

В этом ребусе зашифровано всего одно слово...

ПО ТРИ БУКВЫ

Дано семь слов: частокол, приспособление, Направник, козодой, атака, неон, Бородино.

Предлагается составить пословицу, выбрав из каждого слова три рядом стоящие буквы.

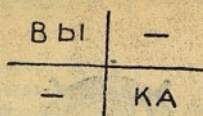
ГЛЯДИ В ОБА!..

Казалось бы, что общего между посёлком и баранкой, проволокой и макулатурой?.. А между тем все двенадцать слов, помещённых ниже, похожи чем-то одно на другое, все они обладают каким-то признаком, общим для них всех.

Добавьте ещё одно слово — тринадцатое, своё, — но так, чтобы и у него было это «таинственное» свойство...

Посёлок, буйвол, клевер, проволока, баранка, обыкновение, кулиса, мышьяк, культура, каландр, москит, макулатура.

ЗАДАЧА СЛОГОВ

Замените чёрточки слогами, чтобы можно было прочесть четыре слова — два по горизонтали и два по вертикали.

А может быть, вы сумеете найти не одно решение?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 2)

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Руда. 3. Хлеб. 8. Лазарет. 9. Кио. 10. Чук. 11. Молотилка. 16. Куропатка. 23. Уха. 24. Ров. 25. Горнист. 26. Конь. 27. Снег.

По вертикали. 1. Рубка. 2. Доло. 4. Летчик. 5. Белка. 6. Озеро. 7. Дроги. 11. Маяк. 12. Леер. 13. Трап. 14. Лист. 15. Арба. 17. Ураган. 18. Опера. 19. Аршин. 20. Картон. 21. Кубок. 22. Овраг.

«ШТУРВАЛ»

1. Козёл. 2. Дело. 3. Борис. 4. Окно. 5. Грамм. 6. Пляж. 7. Спорт. 8. Гимн. 9. Брошь. 10. Обод. 11. Свеча. 12. Азот. 13. Альфа. 14. Вязь. 15. Линия. 16. Баян.

В выделенном кольце — «Зеркало и обезьяна».

ЗАГАДКА

У туши — уши, а головы нет (ушат).

ШУТКА

Каб + ель = кабель.

Содержание

Эшелон № 4001. Очерк В. Верховского	1
Рябина. Стихотворение Е. Рукакова	11
Туся. Окончание повести Александра Крестинского	12
История трамвайного билета. Орывки из книги Владимира Марамзина	31
Март. Стихотворение Сергея Скаченкова	38
Две совершенно фантастические истории. Рассказы Н. Кузьмина	39
Почему полетел бегемот? Стихотворение В. Сосноры	42
Меховой медведь. Стихотворение А. А. Милна	42
Где растут крокодилы. Стихотворение С. Когана	43
Клуб «МИ». Статья Аркадия Клёнова	44
Не выучил. Нет предлога. Предложения бывают. Стихи А. Шибаева	50
Перелистай календарь. Статья Э. Миронова	51
Кто сказал, что это сказка? Очерк А. Кириченко	55
Самое, самое, самое	59
Смех для всех	60
Пёстрые заметки	61
Знаешь ли ты, что...	62
Клуб смекалистых ребят	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Г. Ясинского «Рыцари».

На 2-й странице обложки фотомонтаж «Мамы всякие важны».

На 3-й странице обложки фотиллюстрация к очерку «Кто сказал, что это сказка?»

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «Весна в окно стучится».

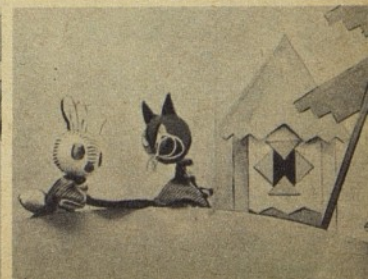
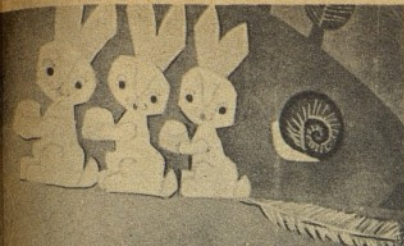
Редактор

В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 30/1 1969 г. Подписано к печати 10/III 1969 г. 4 печ. л. М-22718. Заказ № 152. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 74,000 экз.

Типография им. Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

ЦЕНА 10 КОП.

